

TALLINNA POLÜTEHNILISE
INSTITUUDI TOIMETISED

ТРУДЫ ТАЛЛИНСКОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

СЕРИЯ Б

№ 26

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
КАПИТАЛИЗМА

TALLINNA POLUTEHNILISE INSTITUUDI TOIMETISED
ТРУДЫ ТАЛЛИНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
СЕРИЯ Б № 26 1969

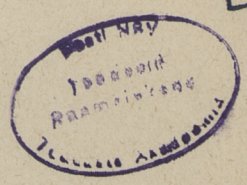
СБОРНИК СТАТЕЙ
ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
КАПИТАЛИЗМА

100.97

ТАЛЛИН 1969

ТАЛАНДА ПОЛТИНЛАШ ИСТИТИ И ТИЗМИ
ТАЛАНДА ПОЛТИНЛАШ ИСТИТИ И ТИЗМИ
ТАЛАНДА ПОЛТИНЛАШ ИСТИТИ И ТИЗМИ

СӨБЛИК СТАТИ

ПО ПОДТИНЧЕСКОЈ ЭКОНОМИ
КАПИТАЛИЗМА

Ep.90

Э. Инти

**РОСТ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
 НАСЕЛЕНИЯ ФИНЛЯНДИИ***

Самые ранние данные о численности населения Финляндии имеются с начала XVII века. Соответственно этим данным в Финляндии жило в период с 1610 по 1620 гг. примерно 400 тыс. человек. В 1812 году численность населения Финляндии превысила границу первого миллиона, в 1879 г. — границу второго миллиона, в 1908 г. — третьего, и в 1950 г. было уже больше четырех миллионов.¹

Динамика населения Финляндии²

Таблица 1

Год	Численность населения в конце года (тыс. чел.)	Из них мужчин (тыс. чел.)	Женщин на 1000 мужчин		
			во всем государстве	в городах и поселках городского типа	в сельских местностях
1750	421,5	200,6	1101	—	—
1800	832,7	405,0	1056	—	—
1850	1636,9	796,2	1056	991	1061
1900	2655,9	1310,6	1026	1134	1012
1930	3462,7	1688,8	1050	1195	1017
1940	3695,6	1792,6	1062	1230	1006
1950	4029,8	1926,2	1092	1232	1032
1955	4258,6	2043,4	1084	1212	1022
1960	4446,2	2142,3	1075	1186	1012
1964	4597,7	2219,3	1072	1165	1006
1965	4625,7	2233,6	1071	1160	1005
1966 ³	4652,7	2247,3	1070	1156	1003

* Примечание: Некоторые члены кафедры политической экономии Таллинского политехнического института изучают особенности развития экономики Финляндии в послевоенный период. В связи с этими исследованиями необходимо выяснить динамику и предполагаемые демографические изменения населения Финляндии и на этой основе сделать некоторые выводы о формировании трудовых ресурсов. По этим соображениям публикуется данная статья.

¹ R. Lento. Väestö. Helsingin Yliopiston Taloustieteen laitos. Tutkimuksia No. 4. Keuruu 1964, s. 5.

² Suomen tilastollinen vuosikirja 1966. Helsinki 1967, s. 5.

³ Suomen tilastollinen vuosikirja 1967. Helsinki 1968, s. 5.

Представление о формировании численности населения Финляндии за последние 200 лет дает таблица 1.

В соответствии с расчетами финских экспертов население Финляндии должно составить к 1975 г. 4,91 миллиона (из них мужчин 2,39 миллиона) и к 1990 году 5,25 миллиона (из них мужчин 2,57 миллиона). Граница пяти миллионов пре- высится, по всей вероятности, к 1980 году.⁴

Из приведенных данных в таблице 1 видно, что в Финляндии больше женщин, чем мужчин, и притом женщин больше в городах, чем в деревне. Для сравнения можно отметить, что в 1963 году в Швеции было на 1000 мужчин 1004 женщины, в Норвегии 1007, в Дании 1017, в Исландии 979, в США 1030, в Канаде 984, в Великобритании 1056, в ФРГ 1107, в ГДР 1189, в Индии 941. Относительно больше женщин по сравнению с мужчинами в Западном Берлине (1344).⁵

Представление о языковой структуре населения Финляндии дает таблица 2.

Таблица 2

Национальный состав населения Финляндии⁶

Год	Число людей, говорящих на финском языке		Число людей, говорящих на шведском языке		Число людей, говорящих на русском языке		Число людей, говорящих на лапландском языке	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
I. Все государство								
1900	2353,0	86,75	349,7	12,89	5,9	0,22	1,3	0,05
1920	2754,2	88,70	341,0	10,98	4,8	0,15	1,6	0,05
1940	3327,5	90,04	354,0	9,58	7,2	0,19	2,3	0,06
1960	4108,3	92,40	330,5	7,43	2,8	0,06	1,3	0,03
II. В городах								
1900	236,4	69,60	97,3	28,64	3,7	1,10	—	—
1920	373,4	75,72	114,0	23,13	2,6	0,53	—	—
1940	715,2	82,91	139,0	16,11	4,6	0,54	—	—
1960	1553,2	90,98	148,9	8,72	2,1	0,12	0,01	0,0
III. В сельских местностях								
1900	2116,6	89,19	252,5	10,64	2,2	0,09	1,3	0,06
1920	2380,8	91,15	226,9	8,69	2,2	0,08	1,6	0,06
1940	2612,3	92,21	215,0	7,59	2,6	0,09	2,3	0,08
1960	2555,1	93,28	181,7	6,63	0,6	0,02	1,3	0,05

⁴ Suomen tilastollinen vuosikirja 1966, s. 46—47.

⁵ Там же, стр. 375.

⁶ Там же, стр. 32. Финская официальная статистика учитывает население лишь по языковому принципу.

Из данных таблицы 2 можно сделать следующие выводы:

1. Постоянно растет число и удельный вес финнов финно-угорского происхождения, при этом увеличение больше в городах, чем в деревнях. В сельских местностях процент финнов больше, чем в городах.

2. Если за последние 60 лет среди населения Финляндии численность финнов увеличилась более чем в 1,7 раза, то число шведов осталось почти тем же и удельный вес их в населении постоянно уменьшается. Темп уменьшения больше в городах, чем в деревнях. Процент шведов в городах больше, чем в деревнях.

3. Численность самых первых поселенцев, — лапландцев, хотя до 1940 года и увеличивалась, но в настоящее время она меньше, чем 60 лет тому назад, и за последние десятилетия быстро уменьшается.

Средняя плотность населения Финляндии была в 1966 г. 15,2 человека на один квадратный километр.⁷ Территория Финляндии заселена очень неравномерно. Значительная часть населения размещается на юге Уусимаа, Хяме, Кюми, Туру-Пори ляни, где плотность населения соответственно 93,3, 36,3, 32,3 и 30,5 человека на один квадратный километр. Из 4,6 млн. населения Финляндии почти 2,5 млн. человек живет в четырех названных ляни. Самая низкая плотность населения имеется в северных ляни — Оулу, Лаппи, где на один квадратный километр приходится 7,4 и 2,3 человека.

О неравномерной плотности населения страны по разным районам свидетельствуют следующие данные: в 1960 г. в местностях Уусимаа, Варсинайс-Сооме, Южный Хяме, Таммермаа и в юго-восточной Финляндии проживало 56% населения, тогда как территория этих местностей составляла только 21% всей суши государства. В северной Карьяла, северной Похьянмаа, Кайнуу и Лаппи проживало 15% населения, причем эти районы составляют 51% суши Финляндии.⁸

Структуру населения Финляндии по возрасту и полу характеризуют таблицы 3 и 4.

Из данных таблиц 3 и 4 видно, что:

1. У населения Финляндии наблюдается тенденция старения, что выражается в том, что удельный вес детей и подростков в возрасте до 14 лет уменьшается, доля молодежи и людей средних лет в общем осталась та же, а доля жителей в возрасте 45 лет и выше увеличивается.

2. Среди населения в возрасте до 24 лет преобладают мужчины, в группе от 25 до 44 лет число мужчин и женщин

⁷ Yearbook of Nordic Statistics 1966. Stockholm 1967, p. 14.

⁸ Suomi 1975. Helsinki 1967, s. 13.

Изменение возрастного состава населения (в %) ⁹

Год	Возрастные группы						
	до 4 л.	5—14	15—24	25—44	45—64	65—74	75 и старше
1900	13,2	21,8	17,9	25,2	16,5	3,9	1,5
1920	10,6	22,8	19,0	26,0	15,7	4,2	1,7
1940	9,1	17,8	17,7	31,2	17,8	4,4	2,0
1960*	9,2	20,9	15,4	25,8	21,2	5,1	2,3
1065	8,5	18,2	18,6	25,7	21,0	5,6	2,4

приблизительно одинаково, в то время как среди населения 45 лет и старше в большинстве оказываются женщины.

3. Можно отметить тенденцию к росту продолжительности жизни населения Финляндии. Численность населения в возрасте 65 лет и старше постоянно увеличивается. В 1950 г. абсолютное число жителей указанного возраста составило 267 тыс. человек, в 1960 г. было уже 328 тыс. человек. Следовательно, прирост по этой группе составил 23%. В то же время численность всего населения увеличилась только на 10%. Однако Финляндия в этом отношении отстает от стран Скандинавии. В 1964 г. доля населения Финляндии в возрасте 65 лет и старше составила 4,4%, в Дании — 11,3%, в Норвегии — 12,1%, в Швеции — 12,7%.¹⁰

4. В возрастной структуре населения за 1950—1960 гг. не произошло значительных изменений. Как в 1950, так и в 1960 году дети до 14 лет составляли 30% населения, но доля работоспособного населения (15—64 л.) уменьшилась с 64% до 62%.¹¹

Если мы сравним возрастную структуру населения городов, поселков городского типа и деревень, то увидим здесь довольно большую разницу. Дети до 14 лет в городах и поселках городского типа составляли 27% всего населения, а в деревнях — 32%. 15—64-летнее население в городах и поселках городского типа составляло в том же году 66%, в деревнях — 60%. Доля лиц старше 65 лет в городах и поселках городского типа была меньше, чем в деревнях (соответственно 7% и 8%).

⁹ Suomen tilastollinen vuosikirja 1966, s. 27.

* В данных 1960 г. содержится 3,4 тысячи человек, возраст которых неизвестен.

¹⁰ Yearbook of Nordic Statistics 1966, p. 15. Данные о Дании от 1 I 1965, о Норвегии от 31 XII 1965, о Швеции от 1 I 1966 года.

¹¹ Suomen tilastollinen vuosikirja 1966, s. 27.

Изменение полового состава населения (в %)

Год	Возрастные группы													
	до 4 лет		5—14		15—24		25—44		45—64		65—74		75 и ст.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1900	13,6	12,9	22,3	21,4	18,2	17,6	25,2	25,1	16,0	17,0	3,5	4,3	1,2	1,7
1920	11,1	10,1	23,7	21,9	19,4	18,6	25,6	26,4	15,0	16,3	3,8	4,7	1,4	2,0
1940	9,6	8,7	18,6	17,0	18,3	17,1	31,4	31,0	16,8	18,8	3,8	5,0	1,5	2,4
1960**	9,7	8,7	22,2	19,8	16,3	14,6	26,1	25,5	19,9	22,4	4,1	6,0	1,6	2,9
1965	9,0	8,1	19,2	17,3	19,6	17,6	26,5	24,9	19,5	22,4	4,5	6,6	1,7	3,1

** В данных 1960 г. содержится 1,9 тысяч мужчин и 2,0 тысяч женщин, возраст которых неизвестен.

В 1965 г. на каждую 1000 человек приходилось 7,9 зарегистрированных брака. Самое большое число браков в истории Финляндии зарегистрировано в послевоенные годы: в 1941 г. — 10,2⁰/₀₀ браков, в 1945 г. — 11,8⁰/₀₀, в 1946 г. — 13,1⁰/₀₀, в 1947 г. — 11,3⁰/₀₀, в 1948 г. — 10,0⁰/₀₀. Во все другие годы бракосочетаний было меньше десяти промилле. Начиная с 1949 г., когда число браков было 8,8⁰/₀₀, начинается относительное уменьшение бракосочетаний, что продолжается до настоящего времени.¹²

Таблица 5

Динамика бракосочетания населения (в ‰)¹³

Год	Возрастные группы									
	до 19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	50—54	55—59	60 и старше
I. Мужчины										
1938	2,9	52,0	76,1	39,1	19,8	12,3	7,5	5,1	4,6	2,3
1958	10,6	84,1	53,9	22,2	10,7	6,9	5,3	3,8	3,4	2,3
1965	13,2	93,1	55,3	19,7	10,1	6,0	4,5	3,4	2,7	2,1
II. Женщины										
1938	20,6	83,1	55,8	25,6	14,0	7,2	4,4	2,5	1,5	0,3
1958	39,1	92,7	36,4	14,9	8,1	5,1	4,0	2,6	1,5	0,5
1965	44,4	89,8	34,2	12,6	6,8	4,4	3,8	2,5	1,5	0,5

Женщины вступают в брак моложе, чем мужчины. Сравнивая данные 1938 г. и 1965 г. можно заметить, что в настоящее время вступают в брак люди более молодые, чем в 1938 г. Особенно это заметно среди юношей и девушек до 24 лет. Браки среди 25-летних и старше, как у мужчин, так и у женщин, уменьшаются.

При рассмотрении динамики бракосочетаний трудно вывести какую-либо закономерность. Все же можно отметить, что число бракосочетаний при спадах экономического развития, например в 30-х годах, было сравнительно мало. Можно также заметить, что число бракосочетаний меньше в деревнях, где доходы жителей сравнительно маленькие, и больше в зажиточных местностях. В плотнонаселенных местах число бракосочетаний сравнительно больше. Бросается в глаза,

¹² Там же, стр. 49.

¹³ Там же, стр. 53.

что чем больше незамужних женщин, по сравнению с мужчинами, тем больше процент бракосочетаний.

Учащение бракосочетаний между молодыми людьми приносит с собой увеличение разводов. В 1965 г. зарегистрировали 36 214 браков и 4594 развода. Указаны следующие причины разводов:¹⁴

2739 — из-за прекращения семейной связи;

1182 — измена одной из сторон;

427 — из-за злоупотребления одурманивающими веществами;

228 — по другим причинам;

18 — браки признаны недействительными.

По сравнению с довоенными годами количество разводов на 1000 человек увеличилось более чем в два раза: в 1936 г. — 1940 г. — $0,42^{0/00}$ и в 1961 г. — 1965 г. — $0,93^{0/00}$. В абсолютных цифрах оно увеличилось в три раза (в 1936 г. — 1940 г. в среднем за год — 1520 и в 1965 г. — 4594).

В 1965 г. прекращено 4594 брака, которые продолжались:

Меньше года	52;	15—19 лет	705;
1 — 4 года	1112;	20—24 лет	345;
5 — 9 лет	1203;	25—29 лет	199;
10—14 лет	844;	30 и больше лет	134.

Рождаемость в Финляндии, по сравнению с началом столетия, уменьшилась почти в два раза. В 1909 году она составляла $32,8^{0/00}$ (95 005 чел.), в 1964 г. — $17,6^{0/00}$ (80 428 чел.). Тенденция уменьшения рождаемости постоянна с 1948 года. Рождаемость была особенно высокая в период с 1946 года по 1949 год, превышая границу 100 тыс. человек в год. Самое большое число новорожденных зарегистрировано в 1947 году (108 168 человек).

Материнство чаще наблюдается в раннем возрасте. Значительно увеличилось число матерей в возрасте до 19 лет: 1881—1890 гг. в среднем 1846; 1951—1960 гг. — 4597; 1965 г. — 8116. Увеличилось также число материнств в группе 20—24 лет, где в те же годы соответственно насчитывалось: 13 705, 24 492 и 24 128. Женщины 30 лет и старше матерями становятся реже.

Как положительное явление можно отметить, что число детей, родившихся мертвыми, уменьшилось почти в два раза. Если в 1943 г. на 1000 новорожденных приходился 21 мертвый, то в 1965 г. это число составляло 13. Здесь видна тенденция уменьшения. В период с 1943—1965 гг. родилось в год на 1000 девочек от 1037 до 1068 мальчиков. Число рождае-

¹⁴ Там же, стр. 53—54.

Число рождений по возрастным группам (в среднем за год)¹⁵

Годы	Возрастные группы матерей								всего	
	до 19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	50 л. и старше		возраст не определен
1881—1890	1 846	13 705	19 962	18 878	14 815	8 017	1 096	49	128	78 496
1931—1940	2 366	16 078	20 642	16 012	10 604	4 903	608	11	47	71 271
1941—1950	3 039	21 800	25 938	21 003	14 500	5 929	628	13	185	93 035
1951—1960	4 597	24 492	25 143	17 813	10 894	4 732	503	7	7	88 188
1965	8 116	24 128	21 732	12 671	7 862	2 986	304	8	1	77 808

¹⁵ Там же, стр. 55.

мости близнецов на 1000 рождаемости 13,2—15,5 (1965 г. — 13,2, это значит всего 1027 рождаемости близнецов). Тройни родились в 1965 г. 12 раз.¹⁶ При рассмотрении динамики рождаемости можно заметить, что чем ближе местность к современным условиям жизни, тем меньше рождаемость. Но все же при рассмотрении отдельных семейств, можно заметить, что в богатых семьях больше детей, чем в семьях средней зажиточности.

Смертность показывает тенденцию уменьшения. Если с 1756—1760 гг. на 1000 жителей зарегистрировано 29,6 смертей (в период с 1806—1810 гг. даже 39,0), то в 1965 году только 9,6. Эта тенденция особенно заметно проявляется начиная с 1945 г., когда смертность составила 13,1⁰/₀₀ (в 1944 г. — 18,9⁰/₀₀). В настоящее столетие смертность превышала рождаемость только в 1918 и в 1940 году; в названные годы прирост населения был отрицательным (—6,1 и —1,1⁰/₀₀). Прирост населения характеризует таблица 7.

Таблица 7

Прирост населения Финляндии (в ‰)¹⁷

Год	Рождаемость	Смертность	Перевес рождаемости	Прирост населения
1939	21,2	14,3	6,9	7,5
1945	25,5	13,1	12,4	11,1
1955	21,2	9,3	11,8	11,2
1965	16,9	9,6	7,2	6,1

Определенной закономерности в динамике смертности по месяцам заметить нельзя, но в декабре и январе она несколько больше, чем в остальные месяцы.

Смертность мужчин больше, чем женщин. В 1965 г. зарегистрировано 44 473 случая смерти, из них женщин — 21 212 и мужчин 23 261. Вследствие этого возникает перевес женщин, несмотря на то, что мальчиков рождается больше девочек, о чем было сказано выше.

Смертность детей в возрасте до одного года уменьшилась более чем в 8 раз, по сравнению с годами конца прошлого столетия, и показывает тенденцию дальнейшего уменьшения (в 1891—1900 гг. в среднем за год — 11 585, в 1931—1940 гг. — 5080, в 1956—1960 гг. — 2520, в 1965 г. — 1371). Особенно большая смертность имеет место в первый год

¹⁶ Там же, стр. 59.

¹⁷ Там же, стр. 49.

жизни детей, минимальная с 10 до 25 лет, а начиная с 25 лет снова увеличивается.

Вследствие общего уменьшения смертности увеличилась средняя продолжительность жизни. Если в 1901—1910 гг. можно было предполагать, что 25-летний мужчина проживет еще 38,6 лет, а женщина — 40,9 лет, то в 1956—1960 гг. соответственно — 43,2 и 49,1 лет.

Чаще причиной смерти являются различные болезни сердца и системы кровообращения, которые составляют больше одной трети всех причин смерти. На втором месте стоят различные злокачественные опухоли и на третьем месте — болезни центральной нервной системы. Четвертую большую группу причин смертности составляют различные случаи, включая и те, которые связаны с движением транспорта. В 1965 году не зарегистрировано ни одного случая смерти по причине тифа, дизентерии, дифтерии, коклюша и кори. Роль скарлатины и полиомиелита была минимальна (соответственно 2 и 1 случай со смертным исходом). Смертность из-за туберкулеза, по сравнению с годами конца прошлого столетия, уменьшилась более чем в одиннадцать раз (в 1891—1900 гг. 6758 и в 1965 — 605 случаев). Если в начале столетия от туберкулеза легких умерло одинаковое число женщин и мужчин, то в послевоенные годы смертность мужчин по этой причине составила больше $\frac{2}{3}$ всех случаев.

Анализируя причины смертности, нельзя не отметить тот факт, что в Финляндии 2—3 человека в день кончают жизнь самоубийством и в каждую неделю совершается 2 убийства. Число самоубийств за последние 40 лет увеличилось почти вдвое: в 1901—1910 гг. их было в среднем 190 в год, в 1921—1930 гг. — 536 и в 1965 г. — 911 (из них 717 мужчин).¹⁸ По относительному количеству самоубийств Финляндия стоит на втором месте в мире, после Австрии. В Финляндии в 1964 г. на 100 тыс. человек совершалось 19,8 самоубийств, в Австрии — 22,8; в ФРГ — 19,3 (1963 г.); в Швеции — 18,5 (1963 г.); в Японии — 15,9 (1964 г.); в Англии — 11,7 (1964 г.); в США — 10,8 (1964 г.) и в Норвегии — 8,0 (1963 г.). По относительному количеству убийств Финляндия стоит на втором месте в мире, после США (2,2 случая на 100 тыс. человек, в США — 5,1 человек).¹⁹

При анализе динамики смертности можно заметить, что с годами она до сих пор систематически уменьшалась, но в последние годы тенденция уменьшения замедлилась. На основе динамики смертности можно сделать вывод, что в последние годы смертность значительно не уменьшится.

¹⁸ Suomen tilastollinen vuosikirja 1966, s. 64 ja 67.

¹⁹ Там же, стр. 386 и 387.

Как в других государствах, так и в Финляндии в период развития капитализма происходит процесс урбанизации. Самые ранние данные о городских жителях Финляндии показывают, что в 1800 г. во всех городах Финляндии проживало 46,6 тыс. человек, что составляло 5,6% всего населения Финляндии. В 1965 г. в городах насчитывалось уже 2050,4 тыс. жителей, что составляет 43,3% населения.²⁰ До 1950 г. в Финляндии числился только один город с населением больше 100 тыс. человек, сейчас их уже три: Хельсинки, Тампере и Турку. В 1940 г. в Хельсинки проживало 8,6% всего населения страны, в 1965 г. число жителей в Хельсинки, Тампере и Турку вместе составило 17% всего населения Финляндии. Рост городского населения Финляндии характеризует таблица 8.

Таблица 8

Рост населения главных городов Финляндии
в 1900—1965 гг. (в тыс. чел.)

Город	Год основания	Население		
		1900 г.	1940 г.	1965 г.
Хельсинки	1550	91,2	317,3	505,9
Тампере	1779	36,3	80,8	144,2
Турку	1300—1400	38,2	74,8	140,4
Лахти	1878	0,8	27,7	81,6
Оулу	1605	14,9	28,0	79,2
Пори	1365	14,9	21,6	60,2
Юваскюля	1837	3,0	10,9	52,9
Куопио	1782	11,7	25,2	52,2

На основании расчетов экспертов можно ожидать, что в период 1970—1975 гг. количество населения в городах и сельских местностях сравняется, а к 1975 г. число жителей городов должно превысить число жителей в деревнях. В 1990 г. все население должно составить 5,25 миллиона человек, из них жителей городов 3,36 миллиона.²¹

Большую роль в увеличении числа жителей городов играет миграция. В 1965 г. в миграции Финляндии приняло участие 218 320 человек, вследствие чего городское население увеличилось на 24 328 человек, причем число городского населения увеличилось во всех ляни.²² Больше всего пополнилось население городов ляни Уусимаа, Хяме и Туру-Пори (соответственно 11 050, 3539 и 1903 человека). Деревенское население в двух последних ляни уменьшилось, но в ляни

²⁰ Там же, стр. 9.

²¹ Там же, стр. 46—47.

²² Там же, стр. 68.

Уусимаа число деревенских жителей увеличилось на 5136 человек. Перевес при переселении из сельской местности в город имеют женщины. В 1965 г. они составили 53,9% всех переселенцев.

Если рассматривать продолжительность жизни городского населения по полу, то видим, что она короче у мужчин, чем у женщин. В городах и поселках городского типа продолжительность жизни населения короче, чем в деревнях. В 1956—1960 гг. продолжительность жизни мужчин в городах и поселках составляла 64,3 года, в деревнях 65,2 года. Вследствие этих причин в плотнонаселенных пунктах значительно больше женщин, чем мужчин. В 1965 г. в городах и поселках на каждые 1000 мужчин приходилось 1160 женщин. В льяни в среднем на 1000 мужчин — 1005 женщин. Меньше всего женщин, по сравнению с мужчинами, было в льяни Лапландии (914).²³ Особенно резко увеличивается перевес женщин среди пенсионеров в городах и поселках городского типа. В 1960 г. в городах и поселках на каждую 1000 мужчин в возрасте 65 лет и старше приходилось 2275 женщин соответствующего возраста, в деревнях соответственно 1438 женщин.²⁴

В то время, как в 1965 г. $\frac{1}{20}$ населения изменила место жительства в связи с поисками лучшей работы и условий жизни, 659 человек не нашли себе подходящего места и покинули родину. Это была в большинстве молодежь и несемейные люди в возрасте до 34 лет. Из них 133 человека переселились в США, 130 в Австралию и Новую Зеландию, 212 — в Канаду и 122 в разные европейские государства и только 18 человек — в Швецию.²⁵

Число эмигрантов в послевоенные годы постоянно уменьшается. Обзор эмиграции из Финляндии за 1961—1965 гг. дает таблица 9.

Таблица 9

Эмиграция из Финляндии за 1961—1965 гг.²⁶

Годы Пол	1961	1962	1963	1964	1965
Мужчины	467	294	231	330	284
Женщины	632	430	402	471	375
Всего	1099	724	633	801	659

²³ Там же, стр. 6.

²⁴ Suomi 1975, s. 12.

²⁵ Suomen tilastollinen vuosikirja 1966, s. 70 ja 71. Эти данные далеко неточные, т. к. начиная с 1954 года в северных странах при переселении не обязательно было менять паспорт.

²⁶ Suomen tilastollinen vuosikirja 1966, s. 70.

Если рассмотреть динамику эмиграции по отдельным государствам, то бросается в глаза, что особенно большая эмиграция была в Швецию во время Второй мировой войны и в послевоенные годы. А именно за 1931—1940 гг. эмигрировало в Швецию 3691 человек, за 1941—1950 гг. — 14 280 человек и за 1951—1960 гг. 18 498 человек. За 1961—1965 гг. больше всего эмигрировало финнов в США (1235), в Канаду (945), затем в Австралию и Новую Зеландию (490).²⁷

Чтобы получить полное представление о передвижении населения, необходимо принять во внимание и иммиграцию. Обзор иммиграции дается в таблице 10.

Таблица 10

Иммиграция в Финляндию за 1941—1965 гг.²⁸

Годы	Кол. чел.
1941—1945	2519
1946—1950	2105
1951—1955	1218
1956—1960	2710
1961—1965	1420

Иммиграция показывает тенденцию уменьшения. Исключение составляют 1956—1960 гг. Если рассматривать иммиграцию по отдельным годам, то тенденция уменьшения бросается в глаза еще резче. В 1965 г., например, иммигрировало 265 человек. Статистика показывает иммиграцию не по государствам в прямом смысле, а по предыдущему гражданству. Поэтому отдельно выведена иммиграция в Финляндию граждан бывшей царской России, из разных капиталистических государств. Она была довольно большая: за 1941—1945 гг. составила 1783 человека, за 1946—1950 — 1642 человека, за 1951—1955 — 397 человек и за 1956—1960 гг. — 216 человек. В следующие пять лет иммиграция граждан бывшей царской России составила только 70 человек. Это показывает, что этот источник иммиграции начал иссякать.²⁹

Относительно иммиграции и эмиграции нужно заметить, что начиная с 1954 г. эти данные не совсем точные, т. к. тогда

²⁷ Там же, стр. 71.

²⁸ Там же, стр. 71.

²⁹ Там же, стр. 71.

был отменен закон о смене паспортов при въезде в северные страны. В действительности за последние годы была значительная эмиграция в Швецию. Баланс эмиграции и иммиграции можно вычислить косвенно. Если от данных, полученных при переписи населения в 1950 г. отчислить число умерших и прибавить новорожденных за 1951—1960 гг. и сравнить эти данные с числом, полученным при переписи населения в 1960 году, то можно вычислить баланс передвижения населения между государствами. Такое вычисление показывает, что за 1951—1960 гг. неттоэмиграция из Финляндии составила 70 тыс. человек, или в среднем 7 тыс. человек в год.³⁰

Какие же количественные и структурные изменения произойдут среди населения Финляндии в ближайшее десятилетие? На этот вопрос невозможно точно ответить, так как нет определенной закономерности при формировании населения и структурных изменений. Можно произвести только соответственные вычисления на основе предыдущих направлений развития.

При составлении прогнозов на численный и структурный состав населения Финляндии нужно исходить из соответствующих предположений. Именно, что 1) эмиграция будет стоять на уровне 1950-х годов, что составляет 7 тыс. человек в год; 2) переселение населения среди экономических районов, городов и сел будет происходить по тем же направлениям и с той же интенсивностью, как и в 1950-е годы; 3) смертность не изменится по сравнению с 1961 годом; предполагают, что рождаемость в какой-то мере уменьшится и что различия в этом отношении между различными частями государства сравняются; 4) в основу административного деления государства взято деление 1960 г.

При таких предположениях население Финляндии составило бы к 1975 г. 4,9 млн. человек. Прирост, по сравнению с 1960 годом составил бы 468 тыс. человек, т. е. 10,5%. Доля детей до 14 лет должна уменьшиться, по сравнению со всем населением, с 30-ти процентов (1960) до 25-ти процентов (к 1975 г.). Среди трудоспособного населения (15—64 лет) в тот же период, видимо, произойдет увеличение с 62-х процентов до 65-ти процентов. Доля людей 65 лет и старше увеличится с 7% (1960 г.) до 10% (к 1975 г.). По части вышеназванной группы населения можно отметить, что ее абсолютная численность может значительно увеличиться, именно, с 328 тыс. в 1960 г. до 484 тыс. в 1975 году. Уменьшение количества населения в возрасте до 14 лет зависит от уменьшения рождаемости. Так как предполагают, что разница в рождаемости

³⁰ Suomi 1975, s. 11.

между отдельными частями государства сравнивается, доля детей до 14 лет в городах, поселках и ляни будет примерно одинаковой. Число работоспособных людей в городах и поселках увеличится к 1975 году до 67% (в деревнях до 63%). К 1975 году люди 65 лет и старше составят 8% всего населения, живущего в городах и поселках городского типа, и 12% всех жителей ляни.

Доля женщин среди населения городов и поселков, по сравнению с мужчинами, уменьшится. В 1975 году будет жить в городах и поселках 1132 женщины на 1000 мужчин. В ляни сформируется относительный перевес мужчин — 1000 мужчин на 978 женщин.

В предстоящие годы изменится распределение населения по экономическим районам в связи с переселением людей из одной местности в другую. Особенно заметно растет население экономического района Уусимаа. Население этого района составит к 1975 году 23% всего населения Финляндии (в 1960 г. составляло 18%). Абсолютная численность населения района Уусимаа увеличится на 323 тыс. человек, что, составит $\frac{2}{3}$ всего роста населения государства. Население городов и поселков городского типа составит к 1975 году 53% всего населения государства (в 1960 г. оно составляло 41%).³¹

³¹ Suomen tilastollinen vuosikirja 1966, s. 45.

E. Inti

Soome rahvastiku kasv ja demograafilised muutused

Resümee

Artiklis analüüsitakse ametlike statistiliste andmete alusel Soome rahvastiku kasvu ja teisi demograafilisi muutusi.

Autor annab ülevaate Soome rahvaarvu kujunemisest viimase kahesaja aasta jooksul, näitab rahvastiku keelelist jagunemist ja tuleb järeldusele, et soome-ugri päritoluga elanike osatähtsus rahvastikus kasvab. See protsess toimub linnades kiiremini kui maal. Viimase 60 aasta jooksul on soome keelt rääkivate elanike arv peaaegu kahekordistunud. Rootsi vähenemisrahvuse suurus on jäänud ligikaudu endiseks. Seetõttu väheneb pidevalt rootslaste osatähtsus rahvastikus. Vähenemise tempo on linnades kiirem kui maal. Rootslasi elab suhteliselt rohkem linnades.

Edasi antakse ülevaate rahvastiku paiknemisest riigi üksi-

kutes piirkondades. See on väga ebaühtlane. Soome elanikkond on kontsentreerunud peamiselt lõuna- ja edelaossa. Rahvastiku koondumist neisse piirkondadesse on soodustanud suurte tööstuskeskuste areng.

Artiklis vaadatakse rahvastiku vanuselist ja soolist struktuuri ning tullakse järeldusele, et Soome rahvastikul on tendents «vananeda». See väljendub kuni 14-aastaste laste ja noorukite osatähtsuse vähenemises ning 45-aastaste ja vanemate inimeste osatähtsuse suurenemises rahvaarvus. Noorte ja keskealiste erikaal on jäänud üldiselt samaks. Tuleb märkida rahvastiku eluea pikenemise tendentsi, mida kinnitab 65-aastaste ja vanemate inimeste osatähtsuse tõus rahvastikus. Soome jääb selles osas siiski Skandinaavia riikidest maha.

Artiklis analüüsitakse abiellumise dünaamikat. Soomes abiellutakse praegu nooremalt kui 1938. a. See kehtib eriti 24-aastaste ja nooremate neidude ning noormeeste kohta. Noorte arvukam abiellumine on põhjustanud abielulahutuste arvu tõusu. Sõjajärgsete aastatega võrreldes on abielulahutuste arv suurenenud rohkem kui kaks korda. Absoluutarvudes on abielulahutuste arv samal perioodil tõusnud peaaegu kolmekordselt.

Sündimuse dünaamika uurimisel märgitakse, et sündimus on praegu sajandi algusega võrreldes peaaegu kahekordselt vähenenud. Sündimus väheneb pidevalt 1948. a. alates. Naised saavad emaks üha nooremalt. Eriti kiiresti on suurenenud emakssaamine kuni 19-aastaste neidude grupis. Emakssaamine on sagenenud ka 20—24-aastaste naiste grupis. 30 aastat ja vanemad naised saavad praegu emaks harvemini.

Suremus näitab Soomes vähenemise tendentsi. Eriti ilmekalt avaldub see 1945. a. alates. Meeste suremus on naiste suremusest suurem. Selle tagajärjel tekib elanikkonna vanemas grupis naiste ülekaal, kuigi poeglapsi sünnib tüdrukutest tunduvalt rohkem.

Suremust analüüsides märgitakse, et haiguste osa surma põhjusena on vähenenud. Surmajuhtude dünaamika analüüs näitab vähenemise tendentsi aeglustumist viimaste aastate jooksul. Sellest võime teha järelduse, et lähemate aastate jooksul suremus enam tunduvalt ei vähene.

Urbanisatsiooni uurimisel märgitakse, et seoses kapitalismi arenemisega koondub elanikkond linnadesse ja asulatesse ning näidatakse, et migratsiooni tagajärjel suureneb kõigi linnade elanikkond. Kõige enam on kasvanud Uusimaa, Häme ja Turu-Pori lääni linnade elanikkond.

Artiklis tuuakse andmeid emigratsiooni kohta ja näidatakse selle vähenemist sõjajärgsete aastate jooksul. Endiselt on küllaltki suur emigratsioon Rootsi.

Immigratsioon on sõjajärgsete aastate jooksul samuti vähenenud. Erandi moodustavad aastad 1956—1960. Arvulise materjali analüüs näitab, et nettoemigratsioon moodustab viimase aastakümne jooksul umbes 7000 inimest aastas.

Artiklis püütakse analüüsida, milliseks kujuneb Soome rahvastik ja selle struktuur eelolevatel aastatel.

E. Inti

The Population Growth and Demographical Changes in Finland

Summary

This article analyses the population growth and demographical changes in Finland. The analysis is based on the data derived from the official statistical reference books.

The article presents a survey of the formation of the Finnish population within the last two centuries. The study of the population's linguistic composition reveals that the share of Finno-Ugric Finns is increasing, the process being more rapid in towns than in the countryside. For the past 60 years the number of the Finnish-speaking inhabitants has increased almost two-fold. The number of Swedes, constituting the national minority, has remained more or less stable. Therefore the share of Swedes in the population has been steadily decreasing. Though the rate of decrease is higher in towns than in the countryside, the corresponding percentage gives prevalence to towns.

The article includes also a population survey on the basis of residence. As the majority of the population is concentrated in the provinces of Uusimaa, Varsinais-Finland, Southern Häme, Tammermaa and South-East Finland, the distribution is exceedingly uneven.

Further, the article presents a population structure by age and sex. The fact, that the share of youngsters and children under 14 years of age is decreasing, and the share of adults of 45 years of age and older increasing, suggests that the Finnish population has a tendency «to grow old». In general, the share of young and middle-aged people has remained unchanged, while the percentage of adults of 65 years of age and older is continuously increasing. Although there is a tendency to longer life expectancy, in this respect Finland is still lagging behind Scandinavian countries.

Next, the article analyses data on the dynamics of marriages. At the present time people in Finland marry at a much

earlier age than in 1938. This applies first of all to young people of 24 years of age and under this age group, and results in the increase in the number of divorces. In comparison with the pre-war years, the percentage of divorces has increased more than two-fold, in absolute figures almost three-fold.

The comparison with the beginning of the century produces a nearly two-fold decrease in the birth rate, whereas this tendency has been constant since 1948. At the same time maternity age has become considerably lower. A marked increase in maternity is recorded among women under 19 years of age, and also in the age group of 20 to 24. Maternity among women of 30 or over 30 years of age appears seldom.

Mortality has been showing a sharp decrease since 1945. Although the birth rate of males exceeds noticeably of females, death cases among men are much more frequent than among women, which has resulted in the prevalence of old-age groups of women.

Death cases caused by various diseases are declining, bearing witness of the availability of medical service. In spite of the long period decrease in mortality, it is of significance to point out the slowing tendency in the recent years. Hence the conclusion that the near future will not produce a remarkable decline in mortality.

The study of urbanization reveals that the rapid development of capitalism involves the population concentration in towns and settlements, and migration — the growth of the urban population. This phenomenon is particularly noticeable in the provinces of Uusimaa, Häme and Turku-Pori. At the same time the rural population, with the only exception of Uusimaa, is decreasing.

The article furnishes data on emigration, disclosing a decreasing trend in the post-war years. It deserves notice, however, that Sweden as an emigration country retains its former importance.

The same tendency applies to immigration except the years 1956—1960. The analysis of numerical data indicates that over the past decade annual net emigration accounts for 7,000 people.

An attempt has also been made to analyse the future prospects of the Finnish population and the population structure.

Л. Вайника

КРИЗИС МЕЛКОГО ПРОИЗВОДСТВА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ФИНЛЯНДИИ

Сельское хозяйство Финляндии достигло в последние годы некоторых успехов: валовая продукция сельского хозяйства выросла, увеличилась сельскохозяйственная производственная площадь. Благодаря внедрению интенсивных методов земледелия выросли урожаи сельскохозяйственных культур. Увеличилась продуктивность животноводства. В результате всего этого Финляндия почти полностью обеспечивает себя сельскохозяйственной продукцией собственного производства. Приведенные в таблице 1 данные характеризуют удельный вес важнейших сельскохозяйственных продуктов отечественного производства в общем объеме их потребления.

Таблица 1

Удельный вес сельскохозяйственной продукции собственного производства в общем объеме потребления¹ (в процентах)

Продукты	Годы				
	1958	1960	1962	1964	1965
Продовольственные зерновые (пшеница и рожь)	51	78	67	94	84
Молочные продукты *	122	126	113	126	123
Мясо *	101	92	100	101	101
Яйца *	123	121	123	120	124
Сахар	15	27	21	23	20

* Самообеспеченность свыше 100% означает, что производство данных продуктов превышает потребление.

Из приведенных данных выясняется, что известный недостаток в сельскохозяйственной продукции отечественного производства имеется только по продукции растениеводства.

¹ «Rautaisannos» maatalouden numeroita. Helsinki 1966.

Обеспеченность по продовольственному зерну колеблется в известных пределах в зависимости от климатических условий того или иного сельскохозяйственного года. Сахар, изготовленный из сахарной свеклы отечественного производства, покрывает потребности своей страны примерно на $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{4}$.

Обеспеченность продукцией животноводства в последние годы является полной, их производство превышает даже потребление в своей стране. Если производство мяса в общем соответствует потреблению, то молока и яиц производится значительно больше потребления своей страны. С 1955/56 хозяйственного года производство молока превышает потребление внутри страны более чем на 10%. В производстве яиц с 1954/55 хозяйственного года имеется значительный излишек.

С 1956 года в Финляндии возникли серьезные затруднения в реализации продукции животноводства. Реализация излишков продукции животноводства стала самой острой проблемой.

Для решения данной проблемы имеются две возможности: либо увеличить потребление животноводческой продукции внутри страны, либо реализовать излишки продукции животноводства на внешних рынках.

Что касается увеличения реализации животноводческой продукции на внутренних рынках страны, то согласно исследованиям некоторых специалистов, потребление сельскохозяйственной продукции по общей калорийности на душу населения в Финляндии достигло сравнительно высокого уровня. Но некоторые резервы к увеличению потребления внутри страны все же имеются. По сравнению с другими развитыми капиталистическими странами потребление некоторых продуктов животного происхождения на душу населения в Финляндии является еще сравнительно низким. Так, в Финляндии было потреблено на душу населения в 1966 году 38 кг мяса. В Швеции этот показатель в 1964 году составил 53 кг и в Дании 63 кг. Потребление мяса в Соединенных штатах Америки на душу населения в 1964 году составило 88 кг.² Также в потреблении сыра Финляндия отстает от других северных стран.

В связи с превышением предложения над спросом и трудностями увеличения реализации продукции животноводства на внутреннем рынке особое значение приобретает реализация продукции животноводства за пределами своей страны.

Реализация продукции на внешних рынках предполагает, что реализуемая продукция по уровню цен способна конку-

² Kansan Uutiset, No 46, 17 II 67.

ризовать на международных рынках. Цены на продукцию животноводства в Финляндии, вследствие высоких затрат на производство, значительно превышают уровень цен на международных рынках. Цена, получаемая на международных рынках, покрывает затраты на их производство в Финляндии только на 70%.³

Несмотря на это Финляндия все же часть своих излишков продукции животноводства реализует на внешних рынках. Удельный вес сельскохозяйственной продукции в экспорте Финляндии в последние годы составляет 4—6% от стоимости всех вывезенных товаров.⁴ Из продуктов животного происхождения экспортируются в основном сливочное масло, сыр, молочный порошок и яйца. Объем экспорта продукции животноводства является значительным, как это видно из таблицы 2.

Таблица 2

Экспорт продуктов животного происхождения (тыс. т)⁵

Вид продуктов	Годы	1960	1962	1964	1965
Масло сливочное		25,7	10,2	24,0	19,4
Сыр		17,0	16,9	21,6	19,7
Молочный порошок		4,1	4,3	20,1	26,1
Яйца		7,5	35,8	42,4	42,1

Таблица 2 показывает, что в указанные годы Финляндия реализовала значительное количество животноводческих продуктов на внешних рынках. Особенно велико значение экспорта в реализации молочной продукции. Из всего сливочного масла на внешние рынки вывозится 20%, из валового производства сыра и молочного порошка даже половина.⁶

Следовательно, несмотря на высокие затраты производства сельскохозяйственной продукции, Финляндии все же удается часть своей сельскохозяйственной продукции реализовать на внешних рынках. Сельскохозяйственная продукция из Финляндии экспортируется при помощи предоставляемых государством экспортных субвенций, с помощью которых продукции животноводства Финляндии стремятся создать

³ Н. Е. Pipping, R. Bärlund, Suomen talouselämä. Tampere 1966, s. 62.

⁴ Там же, стр. 165.

⁵ «Rautaisannos» maatalouden numeroita. Helsinki 1966.

⁶ Там же.

конкурентоспособность на внешних рынках. Экспортные субвенции на продукцию животноводства выплачиваются экспортерам из государственного бюджета в виде разницы между ценами внутреннего и международного рынка. Экспортные субвенции только молочной продукции в 1965 году составили почти 200 млн. марок.⁷ Такие большие средства являются значительным перераспределением доходов в пользу сельского хозяйства.

Перераспределение доходов в пользу сельского хозяйства происходит и другим путем — в виде выплаты субвенций для снижения цен на сельскохозяйственную продукцию. Субвенции на снижение цен молочной продукции составили в 1965 году 250 млн. марок.⁸

Как экспортные субвенции, так и субвенции на снижение цен составляют значительную статью расхода государственного бюджета. Так, в 1964 году на каждый килограмм сливочного масла выплачивалась из государственного бюджета субвенция на снижение цены в 2 марки 82 пенни. К этому добавочно при экспорте на каждый килограмм масла выплачивалась экспортерам субвенция по 1 марке и 97 пенни. В результате этих субвенций масло экспортировалось из Финляндии на внешние рынки по такой цене, которая покрывала только 40% затрат на его производство.⁹

Но и с помощью экспортных субвенций реализация продукции животноводства на внешних рынках все более затрудняется и становится неустойчивой. К тому же некоторые страны Западной Европы стали количественно ограничивать ввоз сельскохозяйственной продукции. Так, например, Англия, основной потребитель финского масла, причинила этими ограничениями дополнительные затруднения экспорту масла из Финляндии.

Дополнительные затруднения возникли также в реализации сельскохозяйственной продукции на других западноевропейских рынках в связи с интеграцией в этих странах.

Коренным образом не улучшилось положение и после девальвации финской марки, проведенной в октябре 1967 года.

С возникновением серьезных затруднений в реализации продукции животноводства многие финские экономисты предложили для улучшения положения изменить производственное направление сельского хозяйства. В пятидесятые годы Финляндия импортировала почти половину продовольственного зерна. Было сделано предложение о введении та-

⁷ Teollistuva Suomi. Kuopio 1966, s. 60.

⁸ Там же, стр. 60.

⁹ H. E. Pipping, R. Bärlund. Suomen talouselämä. Tampere 1966, s. 62.

кой политики цен, которая была бы направлена на увеличение удельного веса зернового хозяйства и снижение доли производства животноводческой продукции.

Так как изменение производственного направления в условиях капиталистического хозяйства возможно только при помощи использования так называемых экономических рычагов, т. е. через политику цен, в конце пятидесятых годов были значительно повышены цены на рожь и пшеницу.

Однако политика цен государства, направленная на уменьшение производства молока и увеличение производства продовольственного зерна, не достигла своей цели. Повышение цен на рожь и пшеницу, правда, вызвало значительное увеличение посевных площадей этих культур, но производство молока осталось на прежнем уровне.

Мелкие хозяйства, где основной доход получают от реализации молока, не могли отказаться от этого более интенсивного для них вида сельскохозяйственного производства и перейти к производству продовольственного зерна. Выиграли только крупные хозяйства, которые смогли переключиться на производство зерновых культур.

Правда, с установлением новых цен на продовольственное зерно в Финляндии повысилась самообеспеченность продовольственным зерном (см. табл. 1). Этим исчерпаны резервы увеличения производства продовольственного зерна, так как хотя обеспеченность по ржи и может составить 100%, по пшенице часть потребляемого зерна приходится экспортировать для улучшения пекарских свойств пшеничной муки. Климатические условия Финляндии позволяют производство только так называемой мягкой пшеницы, для улучшения пекарских качеств муки которой является необходимым добавление муки из так называемой твердой пшеницы.

Также значительное увеличение производства говядины, реализация которой на внутреннем рынке в некоторой степени могла бы увеличиться, не является возможным, так как мелкие хозяйства из-за недостаточной кормовой базы не могут выращивать молодняк крупного рогатого скота на мясо.

В настоящее время вносится много предложений по специализации сельскохозяйственного производства. Но положения облегчить не может и специализация сельскохозяйственного производства. Организация специализированного производства требует большого первоначально авансируемого капитала и работников высокой квалификации, имеющих организаторские способности. Мелкие же хозяйства не имеют средств для организации специализированных предприятий. Конечно, мелкие хозяйства могут при известных

благоприятных условиях специализироваться на некоторых узких специальностях, например, на производство цветов или шампиньонов. Но и это не может устранить трудностей в реализации продукции животноводства, так как все мелкие хозяйства не могут отказаться от традиционного сельскохозяйственного производства и специализироваться на новые отрасли производства. Увеличение производства этих видов продукции имеет пределы, так как объем реализации ограничен платежеспособным спросом на эти виды продукции.

Создавшееся положение можно подытожить словами профессора Самули Суомела: «...производство превышает потребности своей страны, и до сих пор не найдено достаточно эффективных средств к достижению равновесия и даже к устранению увеличения неравновесия».¹⁰

Неравновесие между производством и возможностями реализации сельскохозяйственной продукции, неизбежность применения экспортных субвенций и субвенций на снижение цен для обеспечения реализации сельскохозяйственной продукции являются признаками углубления кризиса сельскохозяйственного производства в Финляндии. Это является углублением свойственного капиталистическому способу производства кризиса относительного перепроизводства сельскохозяйственной продукции, который выражается в невозможности увеличения производства продукции сельского хозяйства вследствие трудностей реализации.

Чем же вызваны трудности реализации продукции животноводства? Что является причиной высоких затрат, необходимых для производства единицы продукции в сельском хозяйстве Финляндии?

Финляндия является одной из самых северных сельскохозяйственных стран в мире. Суровые природные условия являются для сельского хозяйства во многих отношениях неблагоприятными, вследствие чего сельскохозяйственное производство является возможным только благодаря некоторым дополнительным затратам. Это приводит к вздорожанию сельскохозяйственной продукции. Высокое стояние грунтовых вод и высокая степень заболоченности почв причиняют значительные расходы на осушение земель. Каменистость полей также приводит к большим затратам по уборке камней. Также по питательным свойствам почвы Финляндия не относится к числу лучших, что ведет к большим расходам на приобретение минеральных удобрений.

Климатические условия Финляндии не являются наилуч-

¹⁰ S. Suomela. Maataloudemme rakeenteesta ja tulevaisuuden näkymistä. Teollisuusliitto tiedottaa, 1966, No 2, s. 9.

шими. Поздние весенние и ранние осенние заморозки осложняют возделывание многих сельскохозяйственных культур, не говоря уже о слишком коротком вегетационном периоде в северных районах страны. Возделывание многих культур связано в этих условиях с большим риском. Географические и климатические условия Финляндии являются наиболее благоприятными для выращивания зеленых кормов и многолетних трав. Это является одной из причин специализации сельскохозяйственного производства Финляндии на молочном скотоводстве.

Финляндия является страной мелких хозяйств в сельском хозяйстве. Типичной формой земледелия являются семейные фермы.

Развитие сельского хозяйства вследствие проводимой финским буржуазным государством аграрной политики является несколько исключительным. То обстоятельство, что значительная часть финских торппарей участвовало в гражданской войне 1918 года на стороне пролетариата, вынудило правящие круги к проведению земельной реформы. Целью земельной реформы являлось уменьшение недовольства беднейших слоев сельского населения. Как несовершенной земельная реформа и была, она явилась причиной увеличения количества мелких хозяйств: за 1919—1934 годы было выкуплено 64 тыс. хозяйств торппарей и батраков, а также 53 тыс. хозяйств ремесленников.¹¹

Учредительская деятельность буржуазного государства привела к росту численности хозяйств в сельском хозяйстве как на основе земельных законов 1922 и 1936 годов, так и в послевоенные годы в период переселения части населения из восточных районов, в результате представления клочка земли военным инвалидам, фронтовикам, их вдовам и сиротам на основе земельного закона 1945 года. На основе этого закона воспользовались правом получения земли 36 тыс. переселенных семейств и 91 тыс. прочих лиц, приобретавших право на получение земли.¹²

Численность производственных единиц в сельском хозяйстве выросла также в результате деления хозяйств между наследниками.

В результате всего этого общая численность фермерских хозяйств в Финляндии возросла. Основную часть из них составляют мелкие хозяйства с площадью пашни до 15 га. В 1959 г. по данным сельскохозяйственной переписи в сель-

¹¹ Н. Е. Pipping, R. Bärilund. Suomen talouselämä. Tampere 1966, s. 41.

¹² Там же, стр. 43.

ском хозяйстве Финляндии численность хозяйств, имеющих свыше 2 га пашни, была следующей:

Таблица 3

Численность хозяйств в сельском хозяйстве Финляндии в 1959 году¹³

Категории хозяйств по площади пашни (га)	Численность хозяйств (тыс.)
2 — 5	101,2
5 — 10	101,8
10 — 15	44,7
Итого хозяйств до 15 га пашни	247,7
Хозяйства свыше 15 га пашни	37,1
Всего хозяйств, имеющих свыше 2 га пашни	284,8

Таким образом, мелкие хозяйства с площадью пашни от 2 до 15 га в 1959 году составили 87% от всех хозяйств. Крупные хозяйства с площадью пашни свыше 25 га составили из всех хозяйств только 4%.

После второй мировой войны в сельском хозяйстве Финляндии начался стремительный процесс механизации сельскохозяйственных работ. Могучая волна механизации захватила также большую часть мелких хозяйств, которые ценой больших долгов приобрели также современную сельскохозяйственную технику.

Но применение высокопроизводительных сельскохозяйственных машин в мелких хозяйствах не является целесообразным, так как для них не хватает работы и не удается амортизировать их высокую стоимость в относительно короткий период. Возникла «перемеханизация» сельского хозяйства, которая является одной из причин больших затрат на производство единицы продукции в сельском хозяйстве Финляндии.

В этом отношении известный интерес представляют расчеты доктора экономических наук Пентти Вийты, где сравниваются затраты труда и капитала, а также производительность труда в хозяйствах разной величины:¹⁴

¹³ Yleinen maatalouslaskenta 1959. Helsinki 1962, nide 1, s. 14.

¹⁴ P. Viita. Maatalouden tukeminen Suomessa 1963. Helsinki 1964, s. 38.

	Хозяйства свыше 10 га пашни	Хозяйства до 10 га пашни
Затраты труда	100	194
Затраты капитала	100	98
Итого затраты труда и капитала	100	167
Производительность труда	100	66

Интересно отметить, что несмотря на превышение затрат труда в мелких хозяйствах почти в 2 раза затраты капитала в этих хозяйствах являются почти равными с затратами в крупных хозяйствах. Но производительность труда в хозяйствах до 10 га пашни составляет только $\frac{2}{3}$ от производительности труда в хозяйствах, имеющих свыше 10 га пашни.

Такое положение свидетельствует о том, что в хозяйствах до 10 га пашни, несмотря на наличие сельскохозяйственной техники, не удалось ликвидировать ручной труд и обеспечить достаточно производительное использование машинного парка.

Ясно, что крупное капиталистическое производство в сельском хозяйстве находится в более благоприятных условиях по сравнению с мелкими хозяйствами. Это обусловлено прежде всего тем, что только крупные хозяйства способны эффективно использовать современную сельскохозяйственную технику. Крупные хозяйства и во многом другом находятся в лучшем положении. Осушение земель дренажем является для них более доступным, чем мелким хозяйствам. Реализация сельскохозяйственной продукции, получение ссуд для крупных хозяйств являются более легкими, не говоря уже о рациональном использовании рабочей силы и возможностях организации производства на научных основах.

Мелкие хозяйства стремятся к улучшению своего положения путем расширения сельскохозяйственной производственной площади. Каждое мелкое хозяйство стремится повысить свою жизнеспособность путем освоения новых земель. Только лишь за послевоенные годы освоено новых земель под сельскохозяйственное производство свыше 300 000 га.¹⁵ Хотя, с одной стороны, продукция, полученная с новых освоенных земель, в некоторой степени улучшает положение в мелких хозяйствах, с другой стороны, это углубляет кризис перепроизводства в сельском хозяйстве, так как рост объема сельскохозяйственной продукции увеличивает затруднения в ее реализации.

Следует отметить, что мелкие хозяйства связывают рабочую силу в деревне, замедляя переселение сельских жителей в города и поселки. Массовое переселение сельских жителей

¹⁵ Maatalouskomitean mietintö. Helsinki 1962, s. 64.

в города привело бы к росту безработицы в городах, что в свою очередь вынудило бы буржуазное государство принять меры к ликвидации массового недовольства. На основе экономических и политических соображений буржуазное государство вынуждено в дополнение к общим субвенциям на экспорт и сижение цен, из которых основная часть достается крупным и средним хозяйствам благодаря их большей товарности, предоставлять некоторые льготы и пособия мелким хозяйствам, как например, льготы на приобретение минеральных удобрений и некоторые доплаты мелким хозяйствам.

Как субвенции на снижение цен, так и прямые льготы и пособия, предоставляемые мелким хозяйствам, в некоторой степени повышают жизнеспособность мелких хозяйств. Но ни экспортные субвенции, ни субвенции на снижение цен не могут устранить причин кризиса перепроизводства в сельском хозяйстве. Это только в некоторой степени ослабляет напряженное положение, не устраняя причин затруднений.

Причиной кризиса относительного перепроизводства в сельском хозяйстве является то обстоятельство, что традиционные мелкокрестьянские земельные отношения попали в непримиримое противоречие с развитием производительных сил в сельском хозяйстве. Мелкое производство не в состоянии обеспечить рациональное использование современной техники. Кроме того, мелкое производство является крайне рутинным, имеет малую маневренную способность, что причиняет серьезные затруднения даже при косвенном регулировании производства, так как даже самая правильная политика цен не может радикально изменить ни объем, ни структуру производства в мелких хозяйствах.

Относительная стабильность мелкого производства в Финляндии, как мы могли убедиться, не доказывает конкурентоспособности мелкого производства. Крупное производство имеет ряд преимуществ, что способствует концентрации производства, капитала и земли в руках крупных хозяйств. Действие буржуазного государства не может отменить этого объективного процесса, хотя оно в некоторой степени замедлило этот процесс. Массовость мелкого производства превратилась в прямое препятствие развития сельского хозяйства. Так, комитет, созданный в 1962 г. для изучения положения сельского хозяйства, в своей справке правительству констатировал, что «слишком мелкие размеры хозяйств являются наибольшим препятствием развития рационально организованного сельского хозяйства».¹⁶ В своих рекоменда-

¹⁶ Maatalouskomitean mietintö. Helsinki 1962, s. 87.

циях этот комитет, возглавляемый профессором Вестермарком, исходил из необходимости ограничения сельскохозяйственного производства. В основу взято положение о том, что сельское хозяйство должно производить продукты питания в соответствии с потребностями своей страны. Так как производство сельскохозяйственной продукции в настоящее время удовлетворяет потребности своей страны и даже несколько его превышает, а интенсивность производства в сельском хозяйстве можно еще повысить, то обеспечение населения продуктами питания в 1970 году окажется возможным по сравнению с началом 1960-х годов с меньшей сельскохозяйственной площади на 350 тыс. га.¹⁷

На основании этих соображений комитет Вестермарка считает необходимым ограничение сельскохозяйственного производства. По этим же соображениям комитет считает целесообразным прекращение предоставления государственных пособий на освоение новых земель.

Комитет Вестермарка считает нужным развивать лесоводство. Сельскохозяйственные фермы в Финляндии обычно имеют значительные лесные массивы. Но по многим причинам эти леса не культивируются достаточно интенсивно, вследствие чего прирост их является неудовлетворительным. Прежде всего, интенсивное культивирование лесов не является популярным, так как меры по осушению лесных угодий дают результат только после длительного срока, давая доход только через десятки лет. Поэтому фермеры предпочитают проводить работы по осушению земель на пашне, так как это дает ощутимый результат в короткие сроки. Принимая во внимание народнохозяйственное значение лесов, комитет считает целесообразным предоставление льгот на проведение мелиорации в частных лесах.

Что касается размеров хозяйств, то комитет Вестермарка считает в настоящее время нормальным размером одного хозяйства не менее 20—25 га пашни.¹⁸ Поэтому комитет предлагает государству не допускать возникновения новых нежизнеспособных хозяйств. Новые хозяйства не должны создаваться ни путем деления ныне существующих хозяйств, ни путем учредительской деятельности государства. Наоборот — государство должно поощрять возникновение крупных хозяйств.

Рекомендации комитета Вестермарка по ограничению производства сельскохозяйственной продукции и по развитию лесоводства разработаны, исходя из чисто экономиче-

¹⁷ Там же, стр. 59—60.

¹⁸ Там же, стр. 82.

ских аспектов. Эти рекомендации соблюдают интересы крупной сельской и промышленной буржуазии.

Правда, комитет Вестермарка не был до конца последовательным. Хотя он рекомендовал прекратить выплату пособий по освоению новых земель и направить эти средства на развитие лесоводства, комитет был вынужден по вопросу о субвенциях на снижение цен признать, что отмена их полностью является невозможной, так как перепроизводство сельскохозяйственной продукции возникло в известной мере под влиянием аграрной политики государства. Поэтому комитет предложил сохранить субвенции на снижение цен на уровне 1962 года, оставляя дальнейшее увеличение производства сельскохозяйственной продукции на риск самих производителей. За продукцию, превышающую уровень 1962 года, комитет предлагает выплачивать только цену внешних рынков.

Политика, направленная на ограничение сельскохозяйственного производства и отмену пособий на освоение новых земель, создала бы новые трудности для мелких хозяйств, так как эти хозяйства, прежде других, заинтересованы в необходимом увеличении производства продукции сельского хозяйства и в освоении новой хозяйственной площади. Также ограничение субвенций на снижение цен на уровне 1962 года означает возникновение новых трудностей для мелких хозяйств. Проведение в жизнь рекомендаций комитета Вестермарка означало бы ускоренное разорение мелких производителей в сельском хозяйстве.

Таким образом, основной целью всей аграрной политики финского буржуазного государства является ликвидация мелких хозяйств так, чтобы это не превратилось в слишком большую социальную опасность и не вызвало бы слишком сильного волнения в обществе, которое могло бы оказаться опасным для всего капиталистического строя.

Массовое разорение мелких производителей в сельском хозяйстве означало бы, прежде всего, массовую безработицу в других отраслях народного хозяйства. Массовая ликвидация мелких ферм была бы слишком большой обузой государству, так как обеспечение занятости безработных причинило бы государству большие затраты, чем выплата экспортных субвенций и субвенций на снижение цен в настоящее время.

По мнению автора ликвидация мелких хозяйств является возможной только по мере того, как будут создаваться рабочие места в других отраслях народного хозяйства для той рабочей силы, которая покидает сельское хозяйство. Един-

ственно благоприятное влияние на развитие сельского хозяйства может оказать политика индустриализации страны и создание этим рабочих мест той части населения, которая вынуждена ликвидировать свое мелкое сельскохозяйственное производство.

Это, конечно, не означает, что никакая сельскохозяйственная политика не является нужной. До перехода мелких производителей на работу в другие отрасли народного хозяйства необходимы законодательные меры, чтобы не допустить кризиса цен на продукцию животноводства, и обеспечить мелким производителям относительно устойчивый доход и уровень жизни. Поэтому в настоящее время не является возможным отказаться от субвенций на снижение цен и других предоставляемых государством льгот и пособий. Мелкого производителя необходимо защищать не потому, что мелкое производство было бы экономически более эффективным, а потому, что жизнь этого неутомимого труженика попала в серьезные затруднения вследствие капиталистического развития сельского хозяйства.

L. Vainika

Väiketootmise kriis Soome põllumajanduses

Resümee

Artiklis konstateeritakse, et Soome põllumajandus on viimastel aastatel saavutanud teatud edu. Selle tulemusena kindlustab Soome omatoodang peaaegu täielikult elanikkonna maa-viljeluse saaduste vajaduse ja loomakasvatussaaduste osas isegi ületab selle.

Loomakasvatussaaduste realiseerimine on alates 1956. aastast tekitanud tõsiseid raskusi. Nendest ülesaamiseks makstakse riigieelarvest hinna- ja ekspordisubventsioone.

Autor jõuab järeldustele:

1) Raskused põllumajandussaaduste realiseerimisel ning hinna- ja ekspordisubventsioonide kasutamise vajadus on Soome põllumajandusliku tootmise kriisi süvenemise tunnuseks.

2) Suhtelise ületootmise kriisi põhjuseks on asjaolu, et talupoeglikud maaomandussuhted on sattunud leppimatusse vastuollu põllumajanduse tootlike jõudude arenguga. Väiketootmises ei suudeta ratsionaalselt kasutada kaasaegset põllumajandustehnikat, mille tõttu väiketaludes on rohkesti ainult osaliselt

koormatud tehnikat ja tööjõudu. See põhjustab liiga suuri kulutusi toodanguühiku kohta.

3) Ainsaks väljapääsuteeks kasvava agraarse ülerahvastuse tingimustes on praegu tööstuse edasiarendamine ja vajalike töökohtade loomine eelolevatel aastatel sellele osale rahvast, kes on sunnitud põllumajandusest lahkuma.

L. Vainika

The Crisis of Small-Scale Production in Finnish Agriculture

Summary

Recent years reveal some progress made in Finnish agriculture. As a result, Finland can almost completely meet her demand for farm produce, and more meat products are being produced than people can buy.

Since 1956 the realization of meat products has met serious difficulties. To overcome these difficulties, price and export subventions are being paid from the State Budget.

The author has come to the following conclusions:

1. Difficulties in the realization of farm produce and the necessity for price and export subventions are definite signs of the deepening crisis in the Finnish agricultural production.

2. Discrepancy between production relations in agriculture the development of productive forces has led to the relative overproduction crisis. As small-scale production cannot make rational use of modern agricultural machinery machines and manpower are not fully employed by small farms. This results in high expenses per production unit.

3. The only way to solve the problem of the rural surplus population lies in the further development of industry and in the creation of new labour vacancies for those who are compelled to abandon the agricultural industry.

Л. Вайника

АГРАРНОЕ ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ В ФИНЛЯДИИ

Большая часть населения в Финляндии проживает в сельских местностях, где основным источником получения доходов является сельское хозяйство. По данным переписи населения 1960 года в городах и поселках проживало 38% и в сельских местностях 62% всего населения Финляндии.¹

Понятие «сельская местность» является определенным только в административном смысле. По своему экономическому положению поселки можно сравнить с городами. Но вокруг заводов, фабрик, железнодорожных станций и других центров имеются округа, из которых многие часто являются крупными и больше похожими на города, чем некоторые мелкие города. В городах, поселках и в других густо населенных пунктах проживает в настоящее время в Финляндии несколько более половины населения — 56%; таким образом, «чисто» сельское население составляет только 44%.²

Тенденцией изменения структуры населения является увеличение удельного веса населения в городах и поселках при уменьшении удельного веса сельского населения. С 1880 года население городов и поселков возросло в 11 раз, а сельское население только лишь на одну треть.³ Абсолютный и относительный рост городского населения вследствие небольшого естественного прироста зависит во многом от притока сельского населения.

Часть сельского населения добывает себе средства существования вне сельскохозяйственного производства: работает в промышленности, в торговле, на транспорте, в сфере обслуживания. В 1880 году на средства, полученные в промышленности, ремесленном производстве или строительстве, проживало 4%, а в 1960 году уже 28% всего сельского населения.⁴ Это свидетельствует о том, что наряду с переселением

¹ Suomen tilastollinen vuosikirja 1965. Helsinki 1966, s. 5.

² H. E. Pipping, R. Bärlund. Suomen talouselämä. Tampere 1966, s. 27.

³ Suomen tilastollinen vuosikirja 1965. Helsinki 1966, s. 5.

⁴ H. E. Pipping, R. Bärlund. Suomen talouselämä. Tampere 1966, s. 31.

части населения в города, также часть оставшегося на месте сельского населения все больше теряет связь с сельскохозяйственным производством.

Рост сельского населения и структурные изменения с начала нашего века до 1960 годов приводятся в таблице 1.

Таблица 1

Сельское население Финляндии и его удельный вес во всем населении в 1910—1960 годы⁵

Год	Население, занятое в сельском и лесном хозяйстве (тыс. чел.)	Удельный вес населения, занятого в сельском и лесном хозяйстве	Изменение к предыдущему периоду	
			тыс. чел.	%
1910	1962	67,2	+183	+10,3
1920	2061	66,7	+99	+4,4
1930	2074	61,4	+13	+0,7
1940	2014	54,5	-60	-2,9
1950	1674	41,5	-340	-16,8
1960	1408	31,7	-266	-15,9

В таблице к сельскому населению отнесено население, добывающее средства существования в сельском и лесном хозяйстве. Одной из особенностей сельского хозяйства Финляндии является тесное переплетение сельского и лесного хозяйства, вследствие чего трудно выделить из всего сельского населения ту часть, которая занята только сельским хозяйством.

Из таблицы видно, что в начале настоящего столетия население, занятое в сельском и лесном хозяйстве, составляло абсолютное большинство, т. е. $\frac{2}{3}$ от всего населения. Интересно отметить, что несмотря на относительное уменьшение этой части населения, абсолютно она возростала до 1930 года. Только с 1940 года положение изменяется: начинается абсолютное и относительное сокращение населения, занятого в сельском и лесном хозяйстве. Особенно значительным становится этот процесс после 1950 года, когда сокращение за десятилетие по сравнению с предыдущим десятилетним периодом составляет по 15—17%.

В 1960 году население, занятое в сельском и лесном хозяйстве, составляло 1,4 млн. человек (включая членов семей) или почти $\frac{1}{3}$ всего населения Финляндии. Население, связанное только с сельскохозяйственным производством, составило

⁵ SKP nykypäivän Suomessa. Pori 1965, s. 48.

в том же году почти 1,1 млн. человек, или 25% всего населения страны.⁶

В том же направлении происходило развитие и в соседних Скандинавских странах. Сельское население в этих странах в последние десятилетия также значительно сократилось. В 1950-е годы сократилось население, занятое в сельском хозяйстве в Норвегии и Дании на 21—25%, а в Швеции даже на 34%. В настоящее время в Швеции в сельском хозяйстве работает только 10% всего населения, занятого в народном хозяйстве. В Дании сельское население составляет 15%, в Норвегии 18% всего занятого населения.⁷

Значительно сократилось в Скандинавских странах количество ферм. С 1951 по 1961 год сократилась численность ферм в Швеции на 17,5%. В Дании сократилось количество ферм с 1951 года по 1964 год на 10,3%.⁸ Также сократилось количество ферм в Норвегии.

В Финляндии численность ферм возросла в 1950-е годы на 7,1%; в том числе количество ферм, имеющих свыше 2 га пашни, увеличилось на 23 000, или на 8,8%.⁹ В Финляндии количество хозяйств, имеющих свыше 2 га пашни, значительно превышает тот же показатель в Скандинавских странах, хотя, кроме Норвегии, в этих странах имеется больше пашни, чем в Финляндии. Хозяйства в Финляндии являются более мелкими, чем в Швеции или Дании. В Финляндии одно хозяйство свыше 2 га пашни в среднем имеет по 8,9 га пашни, в Швеции по 14,1 га, а в Дании по 17,0 га пашни. Только в Норвегии в среднем на одно хозяйство приходится меньше пашни, чем в Финляндии — 6,7 га.¹⁰ (Здесь и в дальнейшем размер хозяйств определяется по площади пашни).

Аграрная политика финского буржуазного государства оказала замедляющее действие на концентрацию производства в сельском хозяйстве. Проведенная после гражданской войны 1918 года земельная реформа, несмотря на свое несовершенство, и позднее проводимая политика по учреждению новых хозяйств в сельском хозяйстве, привели к возникновению множества мелких хозяйств. Много мелких хозяйств создалось также путем деления наследства между наследниками.

Политика финского буржуазного государства по учрежде-

⁶ «Rautaisannos» maatalouden numeroita. Helsinki 1966.

⁷ S. Suomela. Maataloudemme rakeenteesta ja tulevaisuuden näkymistä. Teollisuusliitto tiedottaa, 1966, No 2, s. 6.

⁸ Yearbook of Nordic Statistics 1966. Stockholm 1967, p. 37.

⁹ Yleinen maatalouslaskenta 1959. Helsinki 1962, nide 1, s. 14.

¹⁰ S. Suomela. Maataloudemme rakeenteesta ja tulevaisuuden näkymistä. Teollisuusliitto tiedottaa. 1966, No 2, s. 6.

нию новых хозяйств, а также субвенции на снижение цен имеют большое значение в обеспечении занятости населения, так как учреждение мелких хозяйств связывает рабочую силу в сельском хозяйстве. Политика субвенций на снижение цен несколько повысила доходы мелких фермеров от своего хозяйства. При помощи побочных заработков мелким фермерам удается сводить концы с концами. Это привело к тому, что в сельском хозяйстве удержалось больше мелких фермеров и членов их семей, чем это было экономически целесообразно. Вследствие этого в сельском хозяйстве Финляндии множество мелких хозяйств, $\frac{9}{10}$ всех хозяйств — мелкие хозяйства, имеющие только до 15 га пашни.¹¹

В послевоенные годы для сельского хозяйства Финляндии сложилась благоприятная конъюнктура. Вследствие нехватки сельскохозяйственных продуктов цены на них были высоки. Значительные доходы получили хозяйства от реализации леса, на который пострадавшая в войне Европа предъявляла большой спрос. Массовый уход населения из сельского хозяйства и последовавшее за этим повышение зарплаток сельскохозяйственных рабочих принудило крупные хозяйства заменять все в большей мере живой труд машинами.

Механизация сельскохозяйственных работ, в свою очередь, способствовала уходу сельского населения в города. С 1950 по 1960 год сократилось число помогающих членов семей фермеров от 418 тыс. до 285 тыс. Количество же наемных рабочих в сельском хозяйстве сократилось в еще большей степени — от 75 тыс. до 32 тыс., т. е. более чем в 2 раза, хотя их численность сократилась уже в течение предыдущего десятилетия наполовину.¹²

Использование современной сельскохозяйственной техники создало предпосылки к еще большему росту производительности труда. Уход рабочей силы из сельского хозяйства не соответствует возможностям, открывшимся с применением сельскохозяйственной техники. Хотя мелкие хозяйства, следуя примеру крупных хозяйств, и приобрели современную высокопроизводительную сельскохозяйственную технику, они не имеют возможностей ее эффективного использования. Это является одной из причин, почему население, занятое только сельским хозяйством, составляет от всего населения четвертую часть в то время, как сельское хозяйство создает только $\frac{1}{10}$ национального дохода. Это является выражением явного аграрного перенаселения.

¹¹ SKP nykypäivän Suomessa. Pori 1965, s. 51.

¹² H. E. Pipping, R. Bärlund. Suomen talouselämä. Tampere 1966, s. 30—31.

Особенно плохо используется рабочая сила в мелких хозяйствах. В 1959 году работало в хозяйствах до 2 га на каждые 100 га пашни постоянно 232 условного работника, в то время как в хозяйствах от 15 до 25 га на каждые 100 га пашни постоянно работало только 19 условных работников.¹³ (В расчетах за условного работника принимается рабочий мужского пола. Женщины приравниваются к мужчинам по коэффициенту 0,67, дети и подростки по 0,50).

Мелкие фермеры и члены их семей постоянно страдают от скрытой безработицы, так как в хозяйстве не находится для них достаточно работы. Найти же работу вне своего хозяйства трудно. Известный интерес в этом отношении представляют расчеты доктора экономических наук Пентти Вийты о затратах труда в хозяйствах разных категорий (см. табл. 2). В расчет включены все работы, в которых участвовали фермер и члены его семьи, вне зависимости от того, были ли проведены эти работы в своем хозяйстве или вне его. Из расчета исключены затраты труда в своем домашнем хозяйстве.

Таблица 2

Количество рабочих дней фермера Финляндии и членов его семьи в 1960 году¹⁴

Категории хозяйств по площади пашни (га)	Хозяин	Хозяйка	Прочие члены семьи (в возрасте от 16,5 лет)	
			мужчины	женщины
до 2	248	128	134	94
2—5	248	159	195	130
5—10	260	167	207	121
10—20	271	170	198	111
20—30	276	163	180	102
свыше 30	298	171	182	107
В среднем	257	155	190	115

Как видно, фермеры отработали в 1960 году в среднем по 257 дней. Количество рабочих дней хозяина возрастало по мере укрупнения хозяйств. В хозяйствах свыше 30 га пашни количество рабочих дней фермеров приближалось к числу

¹³ E. Nevalainen, M. A. Peltonen. Marxilainen kansantaloustiede. Helsinki. Tampere 1965, s. 368.

¹⁴ P. Viita. Viljelijäväestön ja palkansaajien elintaso 1963. Helsinki 1964, s. 27.

календарных рабочих дней в году. Хозяйки в среднем отработали в том же году по 155 рабочих дней. Меньше всего имелось для них работы в мелких хозяйствах, где они отработали только от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ календарных рабочих дней в году. Это говорит о значительной безработице среди мелкого фермерства, особенно среди женщин. Из-за большего объема домашних работ женщины меньше могут работать на стороне, хотя свое хозяйство также не предоставляет им круглогодичной занятости.

Из прочих членов семьи мужчины в возрасте от 16,5 лет в среднем отработали по 190 рабочих дней и женщины в том же возрасте всего только 115 рабочих дней. В мелких хозяйствах эти показатели значительно ниже.

В 1960 году один фабрично-заводской рабочий отработал в среднем по 276 рабочих дней. Если бы члены семей мужского пола в возрасте от 16,5 лет отработали бы в 1960 году 275 рабочих дней, составило бы это 22,6 млн. рабочих дней или свыше 82 000 рабочих лет, что почти равняется в 1960 году отработанному в строительстве рабочему времени. На самом же деле члены семей фермеров мужского пола отработали только 60 000 рабочих лет.¹⁵ Это означает, что они сильно страдают от безработицы. Рабочая сила членов семей женского пола занята еще хуже.

Таблица 3

Доходы фермеров Финляндии от сельского хозяйства в 1960 году¹⁶

Категории хозяйств по площади пашни (га)	Доходы на одно хозяйство (марок)	Доходы составили от «стремления»* (%)
до 2	553	39
2—5	1 845	58
5—10	3 530	71
10—20	5 536	85
20—30	8 382	106
свыше 30	13 533	122
В среднем	2 974	74

* За «стремление» принимается обоснованное желание фермера получить от хозяйства доход в размере, обеспечивающем за свой труд и труд членов семьи заработную плату на уровне сельскохозяйственных рабочих и получение кроме этого еще дополнительного дохода по 5% ставке на средства, вложенные в хозяйство.

¹⁵ P. Viita. Viljelijäväestön ja palkansaajien elintaso 1963. Helsinki 1964, s. 28.

¹⁶ P. Viita. Viljelijäväestön ja palkansaajien elintaso 1963. Helsinki 1964, s. 15.

Доходы от сельскохозяйственного производства в мелких хозяйствах очень малы. О доходах хозяйств можно получить представление из таблицы 3.

В среднем на одну ферму было получено в 1960 году по 2974 марки доходов. Доходы в мелких и крупных хозяйствах значительно отличаются. Если доходы от сельскохозяйственного производства в хозяйствах до 2 га принять за единицу, то в хозяйствах от 10 до 20 га пашни доходы превысили этот показатель уже в 10 раз, а в хозяйствах свыше 30 га пашни доходы от сельского хозяйства превышают такие же доходы в мелких хозяйствах почти в 25 раз.

Из этой таблицы выясняется также, в какой степени действительные доходы соответствовали «стремлению» фермеров получить необходимый доход.

В 1960 году, как выясняется из таблицы, фактически полученные доходы составили в среднем только 74% от доходов, к которым стремятся фермеры. По мере укрупнения хозяйств фактически полученные доходы приближаются к доходам, являющимся «стремлением». В хозяйствах, имеющих свыше 20 га пашни, фактически полученные доходы достигли уровня ожидаемых доходов. В хозяйствах, имеющих свыше 30 га пашни, фактические доходы даже превысили на 20% доходы, которые необходимы для обеспечения получения платы за труд фермера и членов его семьи на уровне заработной платы сельскохозяйственных рабочих и получения дохода на средства, вложенные в хозяйство по 5% ставке. Следует еще отметить, что заработная плата сельскохозяйственных рабочих по сравнению с работниками других отраслей является сравнительно низкой.

Таким образом, только хозяйства свыше 20 га пашни обеспечивают фермерам ожидаемый доход. Мелкие хозяйства же не обеспечивают своих хозяев доходами даже на таком уровне, чтобы обеспечить плату за труд фермера и членов его семьи, получение заработной платы на уровне сельскохозяйственных рабочих.

Мелкие фермеры вынуждены для содержания себя и своей семьи искать заработков на стороне в качестве наемных рабочих. Типичным для Финляндии является работа мелких фермеров наемными рабочими на лесозаготовках. Большую часть по срубке леса и его вывозу выполняют мелкие фермеры. Лесные заготовки являются основным источником поступлений в мелких хозяйствах. Кроме того, мелкие фермеры работают также на строительстве, по осушению земель и на других работах по найму.

Структура доходов хозяйств приводится в следующей таблице:

Таблица 4

Структура доходов хозяйств в 1960 году (в %) ¹⁷.

Категории хозяйств по площади пашни (га)	Доходы от сельского хозяйства	Доходы от лесного хозяйства	Доходы от жилых домов	Прочие доходы
до 2	12	25	6	57
2—5	28	35	5	32
5—10	43	31	4	22
10—20	54	28	4	14
20—30	61	27	4	8
свыше 30	62	28	5	5
В среднем	39	30	5	26

Отсюда выясняется, что из всех доходов те, которые получены в сельском хозяйстве, в среднем по всем хозяйствам составляют только $\frac{2}{5}$. Особенно невелик удельный вес доходов от сельскохозяйственного производства в карликовых хозяйствах до 2 га пашни. Только хозяйства, имеющие свыше 10 га пашни, получают от сельскохозяйственного производства половину из всех доходов.

Значительную часть доходов получают фермы из лесного хозяйства. В крупных хозяйствах свыше 20 га пашни почти 90% от всех доходов в хозяйстве получаются из сельского и лесного хозяйства.

Примечательно, что удельный вес прочих доходов является особенно высоким в мелких хозяйствах, составляя почти $\frac{3}{5}$ от всех доходов хозяйства, в то время как все хозяйства в среднем из прочих источников получили только около $\frac{1}{4}$ всех доходов. Доля прочих доходов резко падает с увеличением площади пашни в хозяйствах. В хозяйствах, имеющих свыше 30 га пашни, из прочих источников было получено только 5% от всех доходов.

Высокий удельный вес прочих доходов в мелких хозяйствах говорит о том, что собственники их фактически являются наемными рабочими, которые от сельскохозяйственного производства в своем хозяйстве получают только мизерную долю доходов.

Но найти работу по найму становится все труднее, так

¹⁷ P. Viita. Viljelijäväestön ja palkansaajien elintaso 1963. Helsinki 1964, s. 22.

как механизация значительно сократила необходимость рабочей силы в лесном хозяйстве — в основной отрасли, представляющей рабочие места для мелкого фермерства. В настоящее время почти все работы как по лесоводству, так и по заготовке леса проводятся группами квалифицированных рабочих, которые работают круглогодично, производя все трудовые операции от рубки леса до транспортировки его на железнодорожные станции и в порты. В связи с повышением механизации работ в лесном хозяйстве ожидается в этой отрасли сокращение необходимой рабочей силы в ближайшие годы, примерно, наполовину. Это ставит мелкое фермерство в особенно трудное положение. Разорение многих мелких хозяйств стоит на повестке дня.

Куда же направляется рабочая сила, освободившаяся из сельского и лесного хозяйства?

За 1960—1965 годы возросли трудовые ресурсы в Финляндии на 75 тыс. человек. В течение этого же периода из сельского хозяйства освободилось 77 тыс. человек. В лесном хозяйстве занятая рабочая сила сократилась на 37 тыс. человек. Прочие отрасли народного хозяйства должны были предоставить рабочие места для 189 тыс. «новых» рабочих.¹⁸ Из них в промышленности устроились на работу 43 тыс. чел., что составляет только немногим более $\frac{1}{5}$ от всей новой и перешедшей рабочей силы. Строительство в то время привлекло на работу только 1 тыс. работников.

Промышленность, строительство и другие отрасли не способны предоставить рабочие места всей рабочей силе. Предложение рабочей силы превышает спрос на нее также по той причине, что кроме рабочей силы, переходящей из сельского и лесного хозяйства в другие отрасли, в настоящее время особенно увеличилось количество молодых рабочих. В первые послевоенные годы, когда рождаемость была значительно выше, родившаяся молодежь достигла трудового возраста, что привело к увеличению трудовых ресурсов в большей мере, чем обычно. Промышленность и другие отрасли народного хозяйства даже в годы высокой конъюнктуры не в состоянии обеспечить всю рабочую силу рабочими местами.

Следует отметить, что увеличение объема производства в промышленности и других отраслях народного хозяйства в настоящее время, наряду с привлечением добавочной рабочей силы, происходит, в основном, путем рационализации производственных процессов. В связи с этим темпу роста объема производства не соответствует темп роста занятости рабочей силы.

¹⁸ Tilastollinen päätoimisto. Tilastollisia katsauksia 1966, No 9, s. 41.

Характерной чертой современного индустриального производства является предъявление спроса на рабочую силу высокой квалификации. Создались целые отрасли промышленности, где работают только рабочие-наладчики. Такими являются, например, предприятия химической промышленности.

Если проследить рост объема производства промышленности в Финляндии, то выясняется, что быстрее других развиваются именно такие отрасли. Если в 1965 году объем производства промышленности увеличился по сравнению с 1959 годом на 57%, то объем производства в химической промышленности за этот же период возрос почти в 2 раза и объем производства бумажной промышленности на 80%. В то же время объем производства в текстильной промышленности увеличился в 1965 году по сравнению с 1959 годом только на 10%, объем производства трикотажной и швейной промышленности только на 18%, объем производства пищевой промышленности на 35% и т. д.¹⁹ А именно эти отрасли предъявляют большой спрос на рабочую силу.

Дополнительные трудности в обеспечении занятости населения возникли также в связи с тем, что Финляндия присоединилась в качестве ассоциированного члена к Европейской ассоциации свободной торговли. Вследствие этого Финляндии пришлось отказаться от некоторых относительно высоких пошлин, которые защищали предприятия, работающие на внутренний рынок.

Снижение пошлин привело к притоку импортных товаров на рынки Финляндии и причинило серьезные трудности текстильной и обувной промышленности. Хотя участие в ассоциации повысило конкурентоспособность финской бумажной промышленности, но именно эта отрасль мало нуждается в рабочей силе. Даже значительное увеличение объема производства в этой отрасли не может заметно повысить занятость рабочей силы.

Многих рабочих, покинувших сельское и лесное хозяйство, ожидает безработица. В последние годы по официальным данным безработные составляют от 1,2 до 1,5% от всех трудовых ресурсов Финляндии. В таблице 5 приводятся официальные статистические данные о безработных и предлагаемых рабочих местах в 1964 и 1965 гг.

Из приведенных данных видно, что в 1964 и 1965 гг. было зарегистрировано безработных на биржах труда значительно больше, чем предлагалось рабочих мест. Рабочих мест не хватало как мужчинам, так и женщинам. Но и из предлага-

¹⁹ Tilastollinen päätoimisto. Tilastollisia katsauksia 1966, No 9, s. 8—9.

Зарегистрированные безработные и рабочие места
на биржах труда в 1964 и 1965 годах²⁰

Год	Пол	Безработных	Рабочих мест	Опосредованных рабочих мест
1964	Мужчины	354,6	236,4	210,3
	Женщины	160,8	110,2	81,6
	Всего	515,4	346,6	291,9
1965	Мужчины	369,9	235,5	208,5
	Женщины	195,5	121,2	89,0
	Всего	565,4	356,7	297,5

емых рабочих мест многие не были приемлемыми, так как опосредованных рабочих мест было значительно меньше предлагаемых.

Особенно трудным является положение молодежи, вступающей в трудовой возраст. Школы по подготовке квалифицированной рабочей силы не могут принять даже половины из всех желающих учиться. Здесь также сказывается повышенная рождаемость в первые послевоенные годы. Сельская молодежь находится в особенно трудном положении, так как молодежь в городах, как правило, получает лучшую подготовку в общеобразовательных школах и поэтому показывает лучшие результаты на вступительных испытаниях в школы. Положение молодежи затруднено также вследствие того, что старые рабочие относятся к ним, как к соперникам, которые повышают предложение рабочей силы на рынках труда.

Нерентабельность сельскохозяйственного производства и невозможность найти дополнительные заработки на стороне, с одной стороны, и трудности найти работу в других отраслях народного хозяйства, с другой стороны, вызвали эмиграцию населения из Финляндии в другие страны на поиски лучших условий труда и жизни. Особенно массовой является эмиграция из Финляндии в Швецию. С 1950 по 1960 год по некоторым подсчетам каждый год покидают Финляндию в среднем 9000 человек.²¹ Эмиграция наиболее значительной является из Северной Финляндии, где возможности найти работу особенно ограничены. Следует отметить, что эмигрирует обычно самая предприимчивая и в самом лучшем трудовом возрасте рабочая сила.

²⁰ Tilastollinen päätoimisto. Tilastollisia katsauksia 1966, No 9, s. 35.

²¹ H. E. Pipping, R. Bärilund. Suomen talouselämä. Tampere 1966, s. 37.

Нехватка рабочих мест в промышленности и в других отраслях народного хозяйства является основным препятствием к уменьшению аграрного перенаселения. Если другие отрасли народного хозяйства предложили бы достаточно доходные рабочие места рабочей силе сельского и лесного хозяйства, перелив рабочей силы из мелких хозяйств из-за низкой рентабельности сельского хозяйства в другие отрасли народного хозяйства был бы скорее слишком интенсивным, чем недостаточным.

Таким образом, сельскохозяйственная политика, которая была направлена на учреждение мелких хозяйств и поддержание мелких хозяйств субвенциями на снижение цен, хотя и была наиболее дешевой политикой обеспечения занятости населения, но обрекала мелких фермеров из года в год быть частично безработными и жить ниже среднего жизненного уровня.

Для ликвидации аграрного перенаселения и повышения рентабельности сельскохозяйственного производства является необходимым индустриальное развитие страны. Только в той мере, как будут созданы новые рабочие места в промышленности и других отраслях народного хозяйства, возможно уменьшение аграрного перенаселения. Значительная часть мелкого фермерства, живущего «неполными доходами», согласна покинуть сельское хозяйство и перейти на работу в другие отрасли, если только окажется возможным получение достаточно доходного рабочего места.

L. Vainika

Agraarne ülerahvastus Soomes

Resümee

Analüüsidest agraarset ülerahvastust Soomes, teeb autor järgmised järeldused:

1) Riigi asunduspoliitika ja hinna subventsioonid on sidunud tööjõudu põllumajanduses. Põllumajanduslike tööde mehhaniseerimine sõjajärgsetel aastatel on tunduvalt suurendanud agraarset ülerahvastust, sest tööviljakus tõusis kiiremini tööjõu äravoolust teistesse rahvamajandusharudesse.

2) Põllumajanduslik tootmine väiketaludes ei suuda taluomanikele ja nende perekonnaliikmetele kindlustada piisavalt tööd ja rahuldavaid sissetulekuid; väiketalude pered suudavad ainult koos väljaspool talu saadavate tuludega ära elada.

3) Tööstus ja teised rahvamajandusharud ei suuda vastu võtta põllumajandusest ja metsandusest vabanevat tööjõudu. Olukorda raskendab ka tööstuse tootmismahu laienemine eelkõige ratsionaliseerimise teel.

4) Agraarset ülerahvastust on Soomes võimalik kahandada ainult tööstuse arendamise teel. Ta võib väheneda ainult sel määral, kuidas tööstuses või teistes rahvamajandusharudes luuakse uusi töökohti.

L. Vainika

Agrarian Overpopulation in Finland

Summary

Analyzing the agrarian overpopulation in Finland, the author draws the following conclusions:

1. States settlement policy and price-subsidies are keeping labour in agriculture. During post-war years the agrarian overpopulation is considerably increased due to the mechanization of agricultural works, while the labour productivity has increased more rapidly than the outflow of labour to the other branches of economy.

2. Agricultural production in small farms cannot ensure normal employment conditions and normal income for farmers and their families. In small farms families can meet their needs only with the help of income which they get from working outside their households.

3. Industry and other branches of national economy are not able to guarantee employment for those who abandon agriculture and forestry. The situation in industry is also deteriorated by increasing working capacity and rationalization.

4. Agrarian overpopulation can be diminished only by means of developing industry. It can diminish only according to the creation of new labour-vacancies in industry and other branches of economy.

Л. Бругус

О ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННО ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА

Научный подход к определению содержания и роли социалистического производительного и непроизводительного труда непременно характеризуется элементом историзма, то есть содержит теоретические выводы анализа как первоначального формирования производительного, а следовательно, и непроизводительного труда, так и процесса их дальнейшего развития. Имевшая место некоторая недооценка исторического подхода, как нам представляется, и привела к тому, что теория социалистического производительного и непроизводительного труда оказывается как бы относительно самостоятельной, периферийной теорией, оторванной или непоследовательно связанной с остальной экономической теорией социализма.

Не случайно, что созданию и окончательному оформлению целостного, строгосистемного учения Маркса предшествовало обширное исследование им теории производительного и непроизводительного труда.¹ В результате этого Марксом была разработана научная теория капиталистического производительного и непроизводительного труда, quintessencia которой изложена в резюмирующем исследовании «Производительность капитала. Производительный и непроизводительный труд».² Для этой рукописи, видимо, было предусмотрено место в пятом отделе I тома «Капитала». Но позднее Маркс отказался от этого, как и от своего намерения включить в конец I тома самостоятельную часть «Теории о производительном и непроизводительном труде»³ (эту последнюю — из-за большого объема, которую соответствующая рукопись приобрела в ходе дальнейшей работы). Вопросы капиталистического производительного и непроизводительного труда находят в трех томах «Капитала» освещение всегда,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, I ч., стр. IX, X.

² Там же, стр. 396—423.

³ Там же, стр. 424.

когда этого требует логика рассматриваемой проблемы; сконцентрированное в одно место изложение этой проблемы здесь не дано. Однако почти весь исходный материал содержится в IV томе «Капитала».

Из-за недостаточной разработанности теории социалистического производительного труда часть положений, касающихся в основном капиталистического способа производства, была приспособлена к общей концепции политической экономии социализма. Укрепление и развитие социализма вместе с оживлением теоретической мысли привело в настоящее время к положению, когда все чаще приходится сталкиваться с ситуацией, что общепринятая концепция социалистического производительного труда, как теоретическое обобщение реальных отношений, не вполне соответствует действительности. Совершенно естественно, что такое положение вызвало дискуссионный обмен мнениями среди экономистов.⁴ Это значительно расширило интерпретацию проблемы, но было бы поспешным утверждать, что она уже полностью разрешена.

Проблема производительного труда встала в центре внимания уже в ходе формирования современной экономической науки одновременно с возникновением и развитием капиталистических отношений. В производительном труде искали такую форму труда, которая представляется трудовым источником буржуазного богатства. Для точности отметим, что формирование первоначальных основ экономической науки связано с исследованиями Аристотеля; с него считается начало истории политической экономии.⁵ С того далекого времени, вернее, уже со времен распада первобытной общины, имеются письменные и другие достоверные данные

⁴ С. Г. Струмилин. Очерки социалистической экономики СССР. Политиздат, Москва 1959; Политическая экономия социализма (под редакцией Я. С. Кумаченко, И. С. Голубничева и И. Г. Степанова). Изд. Московского университета 1963; Б. В. Ракитский. Общественные фонды потребления как экономическая категория. «Мысль», Москва 1966; Г. Олдак. Взаимосвязь производства и потребления. «Экономика», Москва 1966; Л. С. Глязер. Некоторые вопросы методологии планирования общественных фондов потребления. «Экономика», Москва 1966; «Экономика и математические методы», 1966, № 5, стр. 795—798; «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 4, стр. 96—105; 1967, № 8, стр. 98—106; В. В. Зубчаников. Услуги как форма материального производства. Сер. изд. «Соревнование двух систем». Изд. «Наука», 1967; Л. Брутус. О месте производства материальных благ в жизни общества (на эст. яз.). «Ноорте Хяяль» I II 1967; Л. Брутус. О структуре воспроизводства при социализме (на эст. яз., резюме на русском языке). Исследования кафедры политической экономии II, Труды Таллинского политехнического института, Таллин 1968 и др.

⁵ См. История экономической мысли. Изд. Московского университета, 1961, стр. 33, 39, 51, 52.

об отношении к труду, к его различным видам и формам. Довольно-таки важный материал представляют собой заметки и исследования, сделанные представителями более развитых обществ о менее развитых при соприкосновении их между собой (источники древней Греции и Рима, исследования И. В. Моргана и др.).

В дальнейшем делается попытка конспективно репродуцировать марксистские определения производительного труда различных способов производства, сопоставляя с ними соответствующие типичные взгляды представителей этих эпох. Но размеры данной статьи дают возможность заглянуть лишь в самые древние времена — в первобытно-общинный и рабовладельческий способы производства.

В условиях **первобытно-общинного способа производства** всякий труд был неизбежной жизненной потребностью для каждого трудоспособного члена общины, так как, кто не работал, тот не мог и жить. Крайне низкая производительность труда не давала еще возможности возникновения излишков типа прибавочного продукта. Чтобы возник у производителей более или менее систематически отчуждаемый прибавочный продукт и за счет этого могли бы появляться непроизводители (эксплуататоры и содержащиеся на их доходы), необходимо было предварительно поднять производительность труда. «Пока производительность труда не достигла определенного уровня», — отмечает Маркс, — «в распоряжении рабочего нет времени для безвозмездного труда, а пока у него нет такого времени, невозможен прибавочный труд, невозможен, следовательно, и капиталисты; но в таких условиях невозможны также рабовладельцы, феодальные бароны, одним словом — какой бы то ни был класс крупных собственников». На начальных ступенях культуры, — продолжает Маркс — «относительная величина тех частей общества, которые живут чужим трудом, ничтожно мала по сравнению с массой непосредственных производителей. С ростом общественной производительной силы труда эти части возрастают абсолютно и относительно».⁶ Напрашивается вывод, что в условиях отсутствия избыточного времени вряд ли могло систематически оставаться свободное время; оно не было тогда еще отделено от рабочего времени.

Возникновение прибавочного продукта в недрах первобытно-общинного строя (что означало распад данного строя) было важнейшим фактором развития человеческого общества и условием дальнейшего прогресса, хотя этот прогресс оста-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 520; см. также т. 21, стр. 97—98.

вался надолго очень противоречивым. В сжатой форме Энгельс изложил это следующим образом: «Все развитие человеческого общества после стадии животной дикости начинается с того дня, как труд семьи стал создавать больше продуктов, чем необходимо было для ее поддержания, с того дня, как часть труда могла уже затрачиваться на производство не одних только жизненных средств, но и средств производства. Избыток продукта труда над издержками поддержания труда и образование и накопление из этого избытка общественного производственного и резервного фонда — все это было и остается основой всякого общественного, политического и умственного прогресса. В предшествующей истории этот фонд составлял собственность того или иного привилегированного класса, которому вместе с этой собственностью доставались также политическая власть и духовное руководство».⁷

Формирование прибавочного труда происходило постепенно, причем его исходной формой были различные общие работы для нужд всей общины. При столкновении с другими общинами, в войнах о порабощении военнопленных не могло быть речи, пока раб не мог больше производить, чем сам потреблял. Даже с точки зрения рабов возникновение рабовладельческого строя было прогрессом, как отмечает Энгельс, так как «военнопленные, из которых вербовалась основная масса рабов, оставались теперь, по крайней мере, в живых, между тем как прежде их убивали, а еще раньше жарили и поедали».⁸ При первобытно-общинном строе даже война была необходимой работой, или точнее, даже ведение войны было «той большой общей работой»⁹, которая еще не требовала разделения производительного и непроизводительного труда.

Труд, производимый для удовлетворения общих потребностей общины, можно лишь в крайне узком значении слова считать прибавочным сверх непосредственно необходимого для самого индивида трудом; без этого прибавочного труда не было бы общины, общинной собственности, следовательно, и отдельного индивида, который вне общины не мог бы существовать и развиваться как человек. Этот эмбриональный продукт прибавочного труда использовали более или менее поровну; поскольку, как в создании его, так и вообще в работе принимали участие все трудоспособные члены общества. Такого типа эмбриональный, едва отличающийся от остальной работы, прибавочный труд не создавал еще свойст-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 199.

⁸ Там же, стр. 186—187.

⁹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Политиздат, 1940, стр. 8.

венного антагоническому классовому обществу антагонистического прибавочного продукта, который эксплуататоры могли бы безвозмездно присваивать, отчуждать от производителя. «В каждой такой общине существуют с самого начала известные общие интересы», — констатирует Энгельс, — «охрану которых приходится возлагать на отдельных лиц, хотя и под надзором всего общества... Нам нет надобности выяснять здесь, каким образом эта все возрастающая самостоятельность общественных функций по отношению к обществу могла со временем вырасти в господство над обществом; каким образом первоначальный слуга общества, при благоприятных условиях, постепенно превращался в господина над ним... и каким образом, наконец, отдельные господствующие лица сплотились в господствующий класс».¹⁰

Еще во время формирования античного рабовладельческого общества труд, особенно земледельца, по крайней мере среди свободных земледельцев, был в почете. Представитель античной Греции Гесиод утверждает: «Труд человеку стада добывает и всякий достаток... Нет никакого позора в работе, позорно безделье». («Труды и дни», 308, 311; тот же мотив 303—307). Но этот отрывок скрывает и другой, противоположный мотив — видимо имелись уже и те, кто не работал и для которых труд являлся позором. Этот образ мыслей рабовладельческого общества и осуждает ранний античный автор.¹¹ А несколько столетий до Гесиода личный труд, даже ремесло, и умение работать имело и среди племенной знати почать, несмотря на то, что уже широко применялся труд рабов.¹² В той мере, в какой имеем дело с первобытной общиной в чистом виде, относится, видимо, и определение Маркса: «Индивиды ведут себя не как рабочие, а как собственники и члены коллектива, которые в то же время трудятся. Целью этого труда является не **создание стоимости**... , но целью его является обеспечение существования отдельного собственника и его семьи, а также всей общины». При данных формах производства рабочий относится к объективным условиям своего труда, как к своей собственности, о чем Маркс констатирует: «Это и есть естественное единство труда с его вещными предпосылками».¹³ В полном нарушении такого перво-

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 183—184.

¹¹ См. История древней Греции. «Высшая школа», Москва 1962, стр. 130—133; И. Тренчени-Вальдапфель. Гомер и Гесиод. Изд. иностр. лит., Москва 1956, стр. 90—93; Антология греческой литературы (на эст. яз.). Таллин 1964, стр. 78—87.

¹² См. Гомер. Одиссея, V, 243—261, XXIII, 187—204 и др.

¹³ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 5, 4.

начального единства и состояла основная предпосылка возникновения капитализма (наряду со свободным от личной зависимости трудом). Эти предпосылки сформировались как продукты разложения феодализма.

Для того, чтобы разобраться еще в одном комплексе работ, обратимся к Энгельсу: «В старом коммунистическом домашнем хозяйстве, охватывавшем много брачных пар с их детьми, вверенное женщинам ведение этого хозяйства было столь же общественным, необходимым для общества родом деятельности, как и добывание мужчинами средств пропитания. С возникновением патриархальной семьи и еще более — моногамной индивидуальной семьи — положение изменилось. Ведение домашнего хозяйства утратило свой общественный характер. Оно перестало касаться общества. Оно стало **частным занятием**; жена сделалась главной служанкой, была устранена от участия в общественном производстве».¹⁴ Следует оговорить, что последующее обобщение распространится на эпоху до превращения ведения домашнего хозяйства в частный труд.

Итак, при первобытно-общинном строе, в той мере, в какой там еще отсутствовал возникающий класс эксплуататоров и ими безвозмездно отчуждаемый прибавочный продукт, в той же мере отсутствовала возможность существования непроизводительного труда, существующего за счет такого прибавочного продукта. Весь труд этой общины и каждого ее члена был направлен на создание необходимого продукта общины, на ее экономическое воспроизводство. Лишь с развитием и увеличением численности членов общины некоторые функции труда, непроизводительные по своей природе (общественный учет, распределение, обмен и др.), начинали приобретать самостоятельность, как виды трудовой деятельности некоторых лиц. Но первоначально эти лица были слугами (не господами) всей общины (не какой-нибудь ее привилегированной части), содержащей их за счет необходимого продукта общины. Свою долю продукта они получили за свой труд, признанный общиной в качестве труда на пользу общины.

При первобытно-общинном способе производства (в его чистом виде) различие между производительным и непроизводительным трудом могло выразиться только количественно — труд либо принимал (в той или иной степени) участие в создании необходимого вещественного продукта и воспроизводства самих производителей, или не принимал. Но это чисто количественное различие, содержащее одно и то же качество, одно и то же производственное отношение. На

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 76.

определенном уровне производительности труда ее количественный рост выливается в новое качество — рождается антагонистический прибавочный продукт. Производство этой части продукта, выражающей относительную производительность труда, становится основным непосредственным мотивом (целью) последующих, антагонистических способов производства. Производство продукта подчиняется интересам производства прибавочного продукта, а абсолютная производительность — относительной производительности труда. В этих новых условиях различие производительного и непроизводительного труда должно опираться не только на чисто количественную характеристику труда, но и на ее качественную характеристику, то есть на их сочетание.

Итак, возникновение эксплуатации и антагонистического прибавочного продукта является предпосылкой разделения производительного и непроизводительного труда в качественно совершенно разнородные экономические формы.

Рабовладельческий способ производства — это такой способ, где можно уже встретиться с ярко выраженным, самостоятельно сформировавшимся производительным и непроизводительным трудом. Эти формы труда должны совершенно закономерно входить в комплекс экономических форм данного способа производства (и таковыми достигнуть достаточной степени зрелости и как объект исследования).

Энгельс дал следующую краткую характеристику перехода к новому строю: «Увеличение производства во всех отраслях... сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее... Появилась потребность в привлечении новой рабочей силы. Война доставляла ее: военнопленных стали обращать в рабов. Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно, и богатства, и с расширением сферы производительной деятельности... с необходимостью влекло за собой рабство».¹⁵ При исторически неизбежной смене способов производства могут встретиться временные застои и даже спады. В древней Греции при переходе к рабовладельчеству их было несколько. Например, вследствие переселения ахейцев и особенно дорян (соответственно на границе III и II тысячелетия и в XII веке до н. э.); Энгельс также обращает внимание на длившийся несколько веков (V—IX н. э.) застой при переходе уже к феодализму.¹⁶

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 161.

¹⁶ См. История древней Греции, стр. 88—90, 107—110 и др.; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 153—154.

Подобные спады-застои более типичны, по нашему мнению, для первых способов производства. Рост экономической эффективности каждого следующего способа (по сравнению с предыдущим) был таким скромным при первых трех способах производства, что новый обычно не мог стать настолько господствующим, как более поздний — капиталистический способ производства. Поэтому экономическая структура была довольно-таки пестрая и представляла собой конгломерат господствующего способа производства и многих других старых, переходных, параллельных и побочных форм. Общей причиной этого был прежде всего низкий уровень развития производительных сил и, как следствие этого, явилась ограниченность цели производства в условиях тогдашнего натурального хозяйства, а также относительно небольшая величина прибавочного продукта (если он существовал). В условиях рутинного ручного труда экономика развивалась крайне медленно. Этому содействовало непроизводительное, часто паразитическое использование прибавочного продукта господствующим классом и его прихлебателями. Производство материальных благ приближалось поэтому больше к простому, чем к расширенному воспроизводству. Хотя постепенно возникали потенциальные возможности накопления, но действительная норма накопления была далеко ниже их. «До существования капитала труд способен создавать прирост своей собственной стоимости только в формах, подобных форме ремесленного труда, мелкого земледелия и т. д.; короче говоря — сплошь в формах, при которых **вовсе невозможно накопление**, или возможно лишь в крайне ограниченных размерах; в формах, допускающих лишь очень небольшой прибавочный продукт, который к тому же в значительной части **проедается**».¹⁷

Производительность труда постепенно росла, но оставалась недостаточной для полного и равномерного удовлетворения всех нужд общества. В этих условиях господствующий класс монополизировал привилегированное удовлетворение своих потребностей.

Энгельс подчеркивает: «Все до сих пор существовавшие в истории противоположности между эксплуатирующими и эксплуатируемыми, господствующими и угнетенными классами находят свое объяснение в той же относительно неразвитой производительности человеческого труда. До тех пор, пока действительно трудящееся население настолько поглощено своим необходимым трудом, что у него не остается вре-

¹⁷ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 43.

мени для имеющих общее значение общественных дел... до тех пор неизбежно было существование особого класса, который, будучи свободным от действительного труда, заведовал указанными делами; при этом он никогда не упускал случая, чтобы, во имя своих собственных выгод, взваливать на трудящиеся массы все большее бремя труда».¹⁸ При этом потребности господствующего класса удовлетворяются гораздо полнее, чем эксплуатируемого. Этот более широкий круг потребностей и относительно высокий уровень их удовлетворения вызывал новые потребности, среди которых постепенно увеличивался удельный вес чисто паразитических и псевдопотребностей. Это неизбежно в обществах, основанных на эксплуатации, причем псевдопотребностями затрагивается и структура потребностей поработанных. Но это не из-за легкодостижимой избыточной жизни (как это происходит с господствующим классом), а из-за противоположного явления — нужды, односторонности, неразвитости (теперь уже как следствие эксплуатации). За счет производящего класса, за счет прибавочного продукта, созданного его производительным трудом, за счет ограничения его потребностей и лишения возможности гармонического развития возникла вместе с непосредственно эксплуататорским классом и специфическая прослойка из представителей так называемого непроизводительного труда, главной функцией которой было также служение господствующему классу, но отнюдь не столько производителями прибавочного продукта, сколько сопотребителями его в обмен за различные услуги, оказываемые ими эксплуататорам. **Обслуживать и служить господствующему классу за счет и против эксплуатируемых производителей — таковой является исторически сложившаяся основная функция непроизводительных работников.** Эта основная функция распадается на три ярко выраженные подфункции: а) лично обслуживать эксплуататоров как принадлежащих к господствующему классу привилегированных личностей (реализация привилегии потребления); б) обслуживать их специфические потребности по управлению обществом (реализация монополии политической власти); в) представлять и замещать эксплуататоров в качестве агентов производства в процессе экономического воспроизводства (villicus, бурмистр, маниджер и др.) в той мере, в какой это вытекает из антагонического отношения управления и подчинения (реализация антагонического отношения управления и подчинения в самом процессе экономического воспроизводства). Чем больше противоречие между производителем и собственником средств производ-

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 187.

ства, «тем больше роль этого надзора за работниками. Поэтому своего максимума она достигает при системе рабства».¹⁹

Имеется еще один комплекс работ, где встречается непродуцируемый труд. Так как причиной этого является товарное производство, то мы рассмотрим этот комплекс при капиталистическом способе производства. Исходя из этого же принципа, отнесем туда же анализ еще одной сложной проблемы, то есть, что представляет собой труд, производящий такие услуги (прежде всего услуги типа а-функции в случае сдвига или частичного ослабления потребительской привилегии), в потреблении которых принимают участие в какой-то мере и сами производители. Это потому, что такой процесс приобретает практическое значение лишь в конечной стадии развития капитализма.

Обособление производительного и непродуцируемого труда в самостоятельные формы общественного труда, приобретение ими качества различающихся производственных отношений опирается всего непосредственнее на антагонистический прибавочный продукт, порождающий определенную привилегию потребления как монополию эксплуататоров. Производительный труд рабовладельческого способа производства — это труд рабов, создавший прибавочный продукт для рабовладельцев, за счет которого они сдержат и своих непродуцируемых работников.

Непродуцируемый труд рабовладельческого способа производства — это труд тех рабов (а в порядке исключения, и тех лично свободных), которые содержались рабовладельцами за счет прибавочного продукта, безвозмездно отчужденного от рабов, занятых производительным трудом. Часть рабов, которая занята общественно непродуцируемым трудом, могла также производить прибавочный продукт для рабовладельцев. Но различие в том, что услугами общественно непродуцируемого труда сами рабы, как правило, не пользовались. Это значит, что обмен деятельностью между двумя сферами труда, т. е. между производительной и непродуцируемой, отсутствовал. Учет наличия или отсутствия обмена деятельности имеет более общее значение: он необходим также при разграничении форм труда других способов производства.

Из изложенного вытекает, что без рабского производительного труда существование как рабского непродуцируемого труда, так и существование самого рабовладельца, невозможно. Именно поэтому производительный труд рабовладельческого способа производства и явился той формой

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, I ч., стр. 422.

труда, на которой основывался рабовладельческий способ производства, его экономическое воспроизводство, а следовательно, и воспроизводство данного общества в целом. Цель рабовладельческого способа производства следует искать, по нашему мнению, именно в формировании и увеличении привилегий потребления рабовладельцев.

С точки зрения общественного прогресса, функция перехода к рабовладельческому способу производства в большей мере состояла в том, чтобы превратить лишь в зародышевом состоянии встречающийся потенциальный прибавочный продукт в реальный прибавочный продукт. Этого можно было достичь в тогдашних условиях только путем уменьшения до минимума издержек воспроизводства самих производителей, используя со стороны формирующегося господствующего класса самые жесткие способы внеэкономического принуждения. Предпосылкой и экономической основой этого была углубляющаяся имущественная дифференциация. С уровня полных издержек (почти незаметно поступательного) воспроизводства производителя эти издержки были снижены до минимального уровня воспроизводства лишь их рабочей силы. Эти минимальные издержки не достигали даже уровня, необходимого для простого воспроизводства рабочей силы. Только в таких условиях более или менее регулярно возникал прибавочный продукт ощутимой величины, пригодный для отчуждения. Производитель был низведен в положение орудия труда, он потерял в глазах господствующего класса значение человека. Рядом с «немым орудием труда» и «одаренным голосом орудием» было теперь в распоряжении рабовладельцев и «одаренное речью орудие труда» вместо производителя как человека. Ценой прогресса общества стало вытеснение части человечества — массы производителей — из этого общества, утрата ими достойного человеку положения.

Экономическую эффективность (а, следовательно, и тогдашние возможности для развития искусства и науки) при античном рабстве увеличивали тем, что издержки на производство рабов сваливали с рабовладельческого общества на плечи соседних общин, захватывая у них во время войны рабов. Военные расходы были, очевидно, меньше, чем полученный на войне доход (куда входила и «стоимость» рабов, издержки на их производство). Война была рентабельной особенно тогда, когда завоеватели имели дело с менее развитыми, более слабыми или захваченными врасплох соседями. Так как брак среди рабов был запрещен, то расходы на рабов ограничивались только текущими расходами, их минимумом. «Размеры этого содержания устанавливались в зависимости от работы; поэтому, например, эконо́м, выполнявший

более легкий труд, чем простые рабы, получал и меньшее содержание».²⁰ При этом эконом (villicus) стоял во главе рабовладельческой латифундии и, будучи рабом, руководил ведением всего хозяйства, назначая даже наказания сорабам во время отсутствия господина.

Только позже, даже в переплетении с капитализмом (и в условиях дефицитности рабочей силы) могло само воспроизводство рабов стать экономически доходным занятием. Приведем пример Маркса, подтверждающий это: «Самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара — рабочей силы — посредством войн, морского разбоя и т. д. А весь этот разбой, в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя собой натуральное присвоение чужой рабочей силы путем прямого физического принуждения. Даже в Соединенных Штатах, после того как промежуточная область между северными штатами наемного труда и рабовладельческими южными штатами превратилась в район разведения рабов для Юга, где, следовательно, сам раб, выбрасываемый на рынок, был превращен в элемент годового воспроизводства, — этот источник с течением времени оказался недостаточным, и потому длительное время, до тех пор пока это было возможно, для пополнения рынка рабов продолжалась торговля рабами, которые ввозились из Африки».²¹ Если Маркс и Энгельс считали рабовладельчество, несмотря на его варварство, значительным прогрессом по сравнению с первобытно-общинным строем, то та же объективная оценка по отношению к капиталистически-рабовладельческому способу обогащения США звучит с уничтожающим осуждением: «Ведь нельзя отрицать того факта», устанавливает Энгельс, «что человек, бывший вначале зверем, нуждался для своего развития в варварских, почти зверских средствах, чтобы вырваться из варварского состояния».²²

Причиной кризиса и гибели рабовладельческого способа производства в значительной мере является именно то, что он не смог положительно, фундаментально разрешить проблему воспроизводства рабов (также, как и проблему технического совершенствования производства). В условиях, когда спрос на рабов увеличился, а приток рабов традиционным путем уменьшался (война, пиратство, также торговля рабами), необходимо было переходить к полному циклу воспроизводства рабов в рамках самого рабовладельческого об-

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, I ч., стр. 423. См. также т. 23, стр. 585.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 544—545; см. также т. 20, стр. 165.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 186.

щества. Рабовладельческому обществу приходилось принимать на себя все большую часть издержек на воспроизводство рабов, что снижало в значительной мере экономическую эффективность рабовладельческого способа производства.²³ Рабовладельческое производство стало экономически мало-рентабельным, а нередко — убыточным. Такой способ производства стал самоотрицанием, зашел в тупик. «То был безвыходный тупик», писал Энгельс, «в который попал римский мир: рабство сделалось невозможным экономически, труд свободных считался презренным с точки зрения морали. Первое уже не могло, второй еще не мог быть основной формой общественного производства. Вывести из этого состояния могла только коренная революция».²⁴

Свободный труд не мог еще быть основной формой производства. Для свободных считалось приличным заниматься только в определенной области деятельности, причем к такой деятельности относились не как к работе, а как к достойному увлечению или почетному долгу гражданина. Следовательно, если работаешь, то ты раб, а если ты раб, то должен работать. Такой образ мышления выражал презрение к экономической основе самого рабовладельческого способа производства — к рабовладельческому производительному труду. Даже те области деятельности, где работали освободившиеся рабы, считали для свободных граждан неподходящими. Иногда это фиксировалось в законодательном порядке.

Из утверждения Маркса видно, что образ мышления как отражение производственных отношений в сознании людей имеет колоссальное значение в экономической жизни: «Греческое общество покоилось на рабском труде и потому имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил. Равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще, — эта тайна выражения стоимости может быть расшифрована лишь тогда, когда идея человеческого равенства уже приобрела прочность народного предрассудка».²⁵ Капиталистическое товарное производство вместе с законом стоимости выполняет в этой части историческую миссию гигантского значения. Но, по нашему мнению, она не может эту миссию довести до конца. Равенство всех видов труда может осуществить только коммунистический способ производства, так как капиталистическому способу производства присуща принципиаль-

²³ См. Н. А. Машкин. История древнего Рима. Госполитиздат, Москва 1956, стр. 408—409, 434—435, 456, 542 и др.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 149.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 69.

ная ограниченность — превалирование частной собственности над трудом: чья собственность, того и продукт труда.²⁶

Итак, несколько столетий после Гесиода, во времена Аристотеля отношение к труду среди всех слоев свободного населения было уже совершенно другое — презренное. В условиях кризиса рабовладельческого способа производства Аристотель приравнивал труд раба к труду вола, стремясь этим расширить социальную базу рабовладельцев за счет свободных граждан, не имевших рабов, а сохранивших еще волов. К ужасам рабства он относился как к естественной неизбежной жертве, без чего не было бы достижений греческой культуры и самой свободы граждан. Это не мешало Аристотелю видеть довольно-таки далеко. Карл Маркс пишет: «Если бы», мечтал Аристотель, величайший мыслитель древности, — «если бы каждое орудие по приказанию или по предугадыванию могло исполнять предназначенную ему работу подобно тому, как творения Дедала двигались сами собой или как треножники Гефеста по собственному побуждению приступали к священной работе, если бы таким же образом ткацкие челноки ткали сами, то не потребовалось бы ни мастеру помощников, ни господину рабов». Дальше выводит Маркс: «И если они оправдывали рабство одних, то как средство для полного человеческого развития других. Но для того, чтобы проповедовать рабство масс для превращения немногих грубых и полуобразованных выскочек в «выдающихся прядильщиков», «крупных колбасников» и «влиятельных торговцев ваксой», — для этого им недоставало специфических христианских чувств».²⁷

Понимающее отношение Маркса к рабовладельчеству как к неизбежному пороку своего времени, который сопровождал тогдашний расцвет и прогресс науки и культуры, отличается кардинально от отрицательного отношения Маркса к перзревшему капиталистическому наемному рабству. Это отношение Маркса ярко отражается в следующей цитате: «Вот почему кажется, что древнее воззрение, согласно которому человек, как бы он ни был ограничен в национальном, религиозном, политическом отношении, все же всегда выступает как цель производства, куда возвышеннее, если сопоставить его с современным миром, где производство выступает как цель человека, а богатство как цель производства... В буржуазной экономике... это полное обнаружение внутренней сущности человека проявляется как полнейшее опустошение, этот универсальный процесс овеществления — как полное от-

²⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 9.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 419—420; см. также История экономической мысли, стр. 33—60.

чуждение, а уничтожение всех определенных односторонних целей — как принесение самоцели в жертву совершенно чуждой цели. ... Древний мир, действительно, возвышеннее современного во всем том, в чем стремятся найти законченный образ, форму и заранее установленное ограничение. Он дает удовлетворение, которое человек получает, находясь на ограниченной точке зрения, тогда как современное не дает удовлетворения; там же, где оно выступает самоудовлетворенным, оно — пошло».²⁸

Содержательность данного отрывка оправдывает его длину. Этот отрывок, по нашему мнению, может иметь значение и при формулировке цели коммунистического способа производства, при трактовке схемы социалистического воспроизводства и при определении объекта политической экономии. Но эта проблема рассматривается в других статьях.²⁹

В рамках данной статьи, в связи с рассуждением об Аристотеле, представляет интерес резкий отпор Маркса тем, кто в производительном труде не видит специфического, производственного отношения. «Очень поблагодарил бы Моисей господина Сениора за признание его смитовским «производительным работником», иронизирует Маркс. — «Эти люди до такой степени поработаны своими буржуазными навязчивыми идеями, что по их мнению Аристотель или Юлий Цезарь обиделись бы, если бы их назвали «непроизводительными работниками». А между тем Аристотель и Цезарь сочли оскорблением само название «работники»».³⁰

Такая форма непонимания закономерностей исторического развития человеческого общества, где самовольно стремятся приспособить предшествующие эпохи к позднему времени, все измеряют капиталистической меркой и таким образом стирают границы между различными эпохами, имеет определенную классовую цель — защищать капитал и капитализм как «неизменяющееся», «вечное» явление и общественный строй. Другого порядка непонимание этих законов, преследовавшее также цель сохранения эксплуатации, проявил немецкий фашизм, который сделал безумную попытку восстановить элементы прошлых способов производства в рамках современного монополистического капитализма во имя привилегирования выскочек «высшей расы». Хотя это безумие уже в своем зачатке было обречено на гибель, его устранение

²⁸ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 20.

²⁹ См. например: Л. Брутус. О системном подходе к политической экономии. О предмете полигической экономии (на эст. яз., резюме на русск. яз.), Труды Таллинского политехнического института, серия Б, № 24, Таллин 1969.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, I ч., стр. 282.

потребовало громадных жертв, так как развитию человеческого общества не свойственен автоматизм.

Ввиду того, что данная статья не имеет целью дублировать основательные работы об античном мире и его огромном комплексе трудовых отношений, то ограничимся подчеркиванием некоторых специфических черт.

Классический античный рабовладельческий способ производства мог существовать в виде островов в гигантской, еще стоявшей на уровне первобытно-общинного способа производства семье соседних обществ, на которую он опирался, как на естественный резерв (особенно в области воспроизводства рабочей силы), сваливая на них значительную долю совокупных издержек экономического воспроизводства рабовладельческого общества.

Территориально близкими или далекими соседями такой формы рабовладельческого способа производства могли являться и такие рабовладельческие общества, где первобытно-общинные отношения сохранились больше, где воспроизводство рабов было на плечах самого соответствующего общества (причем первоначальное порабощение могло часто происходить путем военного захвата). Если сравнивать экономический и культурный уровень развития Афин и Спарты, существующих более или менее в равных географических условиях, то первая форма значительно превышала другую своими научно-культурными достижениями.

Но для этой античной формы производства нужна была еще в определенной мере такая база в рамках самой рабовладельческой формации, где воспроизводство производителей и материальных благ опиралось бы полностью или в значительной мере на труд, который носил бы больше первобытно-общинный характер, чем рабовладельческий (в первую очередь свободные земледельцы — мелкие производители). Эти свободные производители (находясь в меньшей мере в роли эксплуататоров и часто попадая в положение эксплуатируемых) играли большую роль в существовании рабовладельческого способа производства, так как они давали основную массу воинов рабовладельческому государству. С их помощью проводилось пополнение контингента рабов военным путем. Проще можно сказать, что они экономически непосредственно не принадлежали к рабовладельческому способу производства, относясь к этой формации политически. На определенных этапах развития процесс экономической дифференциации превращал одних из них в рабов, других в рабовладельцев. Труд этих мелких производителей (если они не эксплуатировали рабов) не был непосредственно подчинен

рабовладельческому способу производства. Поэтому в принципе нельзя по отношению к ним применить разделение на рабовладельческий производительный и непроизводительный труд. Они остаются вне этой классификации. С точки зрения цели рабовладельческого способа производства, свободные земледельцы не являлись ни производительными, ни непроизводительными работниками.³¹ Но в роли воинов их следует считать представителями непроизводительного труда рабовладельчества постольку, поскольку они содержались за счет прибавочного продукта, созданного рабами. Едва ли изменяет положение то, что таким путем «авансированный» прибавочный продукт приносил превышающую расходы военную добычу, часть которой могла достаться самим воинам.

Взглядам, отражающим рабовладельческий способ производства, присуще отрицательное отношение к явлениям товарного производства и к носителям их — торговцам, ростовщикам.³² Даже владение предприятиями данной сферы было предосудительным (несмотря на то, что возможность обогащения все больше прельщала).

Подытоживаем изложенное. Представляется, что отправной основой анализа общественных форм труда является разграничение всего труда общества на природно производительный и природно непроизводительный труд.

Эти две формы труда в условиях первобытно-общинного способа производства качественно, т. е. с точки зрения производственных отношений, еще не различались.

Природно непроизводительный труд остается таковым в любом обществе, независимо от общественных форм производства. Лишь с точки зрения определенного функционера он иногда может стать производительным. Но Марксом доказано, что, с научной точки зрения, эта утилитарная реальность является лишь видимостью, а не сутью явления.

Более сложный комплекс явлений связан с **природно производительным трудом**. Он может принимать форму как общественно производительного, так и общественно непроизводительного труда. Предполагается, что такая полная модификация качества природно производительного труда в общественно непроизводительный труд присуща только антагонистическим формациям общества. В этих формациях встречается и природно производительный труд, общественная форма которого не соответствует ни общественно производительному, ни общественно непроизводительному труду господствующего способа производства. Во всех способах

³¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, I ч., стр. 416—419.

³² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 163, 175; Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 11, 12 и др.

производства также можно обнаружить природно производительный, но малоэффективный труд, который по своей общественной форме мог бы быть общественно производительным трудом, чему, однако противоречит его неудовлетворительная количественная характеристика. Предполагаем, что такой не вполне ценный труд, содержащий, видимо, наряду с элементами производительного труда также и элементы непроизводительного труда, можно характеризовать как общественно недостаточно производительный, нижепроизводительный труд.³³

Приложение 1

Изменение единства производителей и объективных предпосылок труда, личной свободы производителей и антагонистических форм принуждения («спираль развития»)

Способ производства	Степень единства производителей и объективных предпосылок труда	Степень личной свободы производителей	Господствующая форма принуждения, используемая господствующим классом для соединения производителей и предпосылок труда
Первобытно-общинный	Естественное единство	Личная свобода (но при низком уровне развития производительных сил)	—
Рабовладельческий	Единство, низведенное до уровня вещей (орудий производства)	Полная личная зависимость	Внеэкономическое принуждение
Феодальный	Неполное (половинчатое) единство	Неполная личная зависимость	Комбинация внеэкономического и экономического принуждения
Капиталистический	Полное разъединение	Формально-юридическая личная свобода	Экономическое принуждение
Коммунистический	Естественное единство	Личная свобода (но при высоком уровне развития производительных сил)	—

³³ См. Л. Брутус. О структуре воспроизводства при социализме, стр. 14—15, 19.

Ühiskondliku tootliku töö kujunemisest

Resümee

Sotsialistliku tootliku ja mittetootliku töö sisu ja koha määramise teaduslik lähtekoht sisaldab möödapääsmatult ajaloolist elementi. Ta tugineb teoreetilistel järeldustel, mis on saadud tootliku ja mittetootliku töö esmase kujunemise ning nende järgneva arenemise analüüsimise tulemusel. Teatud alahindav suhtumine ajaloolise lähenemise kahjuks on meie arvates põhjustanud seda, et sotsialistliku tootliku ja mittetootliku töö teooria on jäänud nagu mingiks suhteliselt omaette seisvaks perifeeriateooriaks, millel puudub küllaldane seos kogu sotsialismi majandusteooriaga. Marxi kapitalismi majandusteoorias me taolist seostamatust ei kohta. Kirjanduslike allikate uurimise alusel tuli autor järgmistele põhijäreldustele.

Ürgkogukondlikule tootmisviisile (tema puhtal kujul) ei olnud tootliku ja mittetootliku töö eraldamine seemiselt omane, sest tööviljakuse tase oli niivõrd madal, et iga tööjõuline inimene pidi vahetult töötama ainuüksi enda, oma perekonna ja sugukonna majandusliku taastootmise jaoks. Inimene polnud võimeline regulaarselt tootma üle selle miinimumi. Seetõttu ei ole ega olnudki objektiivset vajadust tootliku ja mittetootliku töö piiritlemiseks, kuigi mõned mittetootliku töö mitteisesisvad võrsed võisid esineda. Ühiskondliku mittetootliku töö kujunemine sai võimalikuks ainult tööviljakuse teatud, objektiivselt vajaliku taseme saavutamise, antagonistliku lisaproducti järk-järgulise tekkimisega. Koos sellega toimuski tootliku ja mittetootliku töö objektiivne eraldumine. Need protsessid arenesid üheaegselt ürgkogukondliku tootmisviisi lagunemise ja uue tootmisviisi tekkimisega.

Orjanduslikule tootmisviisile on juba seemiselt objektiivselt omane tootliku (orja) ja mittetootliku töö (nii orja, kui ka mitteorja) eraldumine. Orjandusliku tootmisviisi tootlikuks tööks oli orja lisaproducti loov töö orjapidajale. Mittetootlik oli aga nende töö, kes samuti teenisid valitsevat klassi, kuid eeskätt mitte kui lisaproducti tootjad, vaid kui selle koostarbijad vastutasuks mitmesuguste teenuste eest, mida nad osutasid ekspluataatoreile — ekspluateeritavate tootjate arvel ja (enamasti ka) vastu. Seda mittetootliku töö ajalooliselt kujunenud põhi-funktsiooni võib jaotada kolmeks selgepiiriliseks alafunktsiooniks: a) valitseva klassi tarbimisprivileegi realiseerimine; b) ta poliitilise võimu monopoli realiseerimine; c) antagonistliku valitsemise ja allumise suhte realiseerimine ühiskonna majanduslikus taastootmisprotsessis.

Tootliku ja mittetootliku töö eraldumine ja erineva tootmis-
suhte kvaliteedi omandamine tugineb antagonistlikul lisapro-
duktil, selle tekkimisel.

L. Brutus

On the Development of Social Productive Work

Summary

Separation into productive and non-productive work was not intrinsically characteristic to the primitive mode of production. Labour productivity was so low that work could be considered productive to the full extent.

The possibility of social non-productive work originated only with a certain rise in labour productivity, with the development of an antagonistic surplus product. This complex of processes, however, signified the arrival of a new mode of production.

Separation into social productive and non-productive work was already characteristic to the slavery mode of production. The productive work of this mode of production was the surplus product produced by the slave for the slave owner. Non-productive was the work of these people who served the ruling classes, though first and foremost not as producers but as co-consumers in compensation to various services rendered to the exploiter at the expense of the exploited producers.

This historically established basic function may be divided into three subfunctions: a) realization of the consumption-privilege of the ruling classes, b) realization of their political monopoly, c) realization of antagonistic management and dependence relation in the economic reproduction process of society.

Consequently separation into social productive and non-productive work and acquisition of two different qualities of production relations is founded on the antagonistic surplus product.

Н. Торпан

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЭСТОНИИ КАК НАЦИОНАЛЬНОЙ ОКРАИНЫ РОССИИ В КОНЦЕ XIX, НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ (ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

Экономическое состояние национальных окраин России в период монополистического капитализма далеко не исчерпанный в своем изучении вопрос экономического развития России. Известно, что развитие капитализма в России по-разному влияло на многочисленные национальные окраины, которые резко отличались друг от друга хозяйственными, бытовыми, географическими условиями.

В данной статье рассматривается характер общего развития экономики Эстонии в конце XIX, начале XX веков, ее неразрывное единство с общероссийской экономикой, которое способствовало капиталистическому развитию этого национального района. При этом использованы материалы, хранящиеся в архивах Ленинграда и Тарту, наиболее достоверные данные русской дореволюционной промышленной статистики, материалы дореволюционной периодической печати, труды Института истории АН ЭССР, работы советских экономистов и историков.

* * *

В 90-е годы XIX века производительные силы России переживали период бурного подъема, особенно в промышленности. Промышленный подъем 90-х годов XIX века имел огромное экономическое значение, он послужил материальной основой перехода России к монополистическому капитализму. В этот период происходит дальнейший быстрый подъем промышленности в Эстонии. Увеличивается производство старых промышленных предприятий Таллина и Нарвы, возникает целый ряд новых фабрик и заводов. В 1901 году в Эстонии насчитывалось уже около 80 фабрик (в 1890 году — 44 фабрики), количество фабричных рабочих к этому же году возрастает до 20 тыс. человек (в 1890 году — 12 575

человек).¹ В этот период основан вагоностроительный завод «Двигатель», новый машиностроительный завод акционерного общества Франц Круль и др. Промышленный подъем происходил в основном за счет роста производства средств производства, хотя текстильная промышленность продолжала оставаться основной отраслью. Развитие главных отраслей промышленности Эстонии во втором пятилетии 90-х годов характеризуют данные таблицы 1.

Таблица 1

Развитие главных отраслей промышленности Эстонии в 1895 и 1901 гг.²

Отрасли промышленности	Стоимость продукции (в руб.)		Число рабочих	
	1895	1901	1895	1901
Металлообработка и машиностроение	784 578	7 671 097	662	4 100
Текстильная промышленность	12 954 977	14 751 900	6 111	7 362

Стоимость произведенной продукции на предприятиях, занятых металлообработкой и машиностроением, увеличилась с 1895 по 1901 в 9,6 раза, количество рабочих возросло в 6,2 раза. Однако удельный вес рабочих этих отраслей промышленности оставался еще низким (около 5% всех фабрично-заводских рабочих Эстонии). Стоимость произведенной продукции текстильной промышленности увеличилась в 1,1 раза, число рабочих выросло в 1,2 раза. Приведенные данные следует считать приуменьшенными, так как подсчеты сделаны на основании официальных статистических сведений, не охватывающих полностью всех предприятий. Из числа металлообрабатывающих и машиностроительных предприятий выпали завод Ротермана в Таллине и завод Зиновьева в Нарве. В число текстильных предприятий не включены Нарвская льнопрядильная и Нарвская суконная мануфактуры. Однако в целом эти данные дают представление о характере промышленного развития Эстонии в рассматриваемый период. В этот период темпы развития машиностроения и металлообработки в Эстонии были выше общероссийских, а

¹ Для 1901 года подсчитано по данным Списка фабрик и заводов Европейской России, СПб 1903.

² Составлено для 1895 года по данным Перечня фабрик и заводов, СПб 1897; для 1901 года по данным Списка фабрик и заводов Европейской России, СПб 1903.

темпы развития текстильной промышленности были несколько ниже общероссийских.

Для промышленного подъема 90-х годов XIX века имело большое значение железнодорожное строительство. В частности, для экономического развития Эстонии важным было строительство железной дороги Псков—Старая Русса—Бологое. В конце 90-х годов начали эксплуатироваться узкоколейные дороги Пярну—Валга, Мыйзакула—Вильянди; построены также железнодорожные линии Тюри—Пайде и Раквере—Кунда. Строительство железных дорог способствовало тому, что металлообрабатывающая промышленность Эстонии начинает работать главным образом на южнорусском сырье. Часть металла привозилась из Петербурга и Риги; однако большая часть шла с привислинских заводов — из Домбровского и Опатовского районов и с южных заводов — Екатеринославского, Таганрогского, Алмазенского, Мариупольского, Бахмутского, Луганского районов. Незначительную часть потребляемого металла составляло уральское железо, в основном из Благодатского района.

Развитию промышленности способствовала протекционистская политика царского правительства. Так, в 1891 году установлены почти запретные пошлины на ввоз, главным образом, готовых промышленных товаров. Следствием этого явилось стихийное учредительство в Прибалтике промышленных предприятий. Обходя высокие пошлины на ввозимые товары, в экономику России проникал иностранный капитал в производительной форме. В 1898 году в Пярну было основано крупнейшим немецким концерном целлюлозной промышленности «Вальдгоф» дочернее общество «Российское акционерное общество Вальдгоф», которое в дальнейшем заняло господствующее положение во всей целлюлозной промышленности России, имея к 1914 году основной капитал 12 млн. руб. и рабочих 2,2 тыс. человек.

Размеры и темпы развития капитализма в 90-е годы XIX века В. И. Ленин называл значительными по сравнению с их размерами и темпами развития предыдущих периодов. Но если сравнивать эту «...быстроту развития с той, которая была бы возможна при современном уровне техники и культуры вообще, то данное развитие капитализма в России действительно придется признать медленным, ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей».³ В конце XIX века Россия не имела своей разви-

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 601.

той машиностроительной промышленности и зависела от ввоза оборудования. Россия по-прежнему оставалась аграрной страной. Доля сельского населения составляла в 1897 году 87,4%.⁴ Эстония в этот период была аграрным краем России; в 1897 году в сельском хозяйстве Эстонии было занято 70,5% населения, а в промышленности лишь 22%.⁵

Из аграрного края в аграрно-индустриальный край России Эстония превращается в период промышленного подъема накануне Первой мировой войны, который наступил вслед за экономическим кризисом (1900—1903 гг.) и затяжной депрессией. Экономический кризис 1900—1903 гг. в Эстонии наиболее резко проявился в машиностроительной промышленности. Экономическим банкротом оказалось акционерное общество «Двигатель», остановили производство машиностроительные заводы Роттермана и Лаусмана, закрылась машиностроительная фабрика Дрюмпельмана — одно из старейших машиностроительных предприятий Эстонии. Экономический кризис проявился и в других отраслях промышленности Эстонии, хотя и в разной степени. Сократилось количество рабочих на цементном заводе Порт-Кунда, несостоятельными были объявлены химическая фабрика Майера, Цинтенгофская суконная мануфактура. На промышленный подъем 1909—1913 годов, первый промышленный подъем эпохи монополистического капитализма, большое влияние оказали правительственные заказы, связанные с мероприятиями царского правительства по подготовке к надвигающейся войне. Ориентируясь на эти заказы, финансово-монополистические группировки начали строительство крупных судостроительных и механических заводов в Таллине. Эти строительства сыграли решающую роль в оживлении и подъеме производства на таллинских машиностроительных заводах. Заводы Фр. Круль, «Двигатель», «Вольта», Таллинский чугуно-литейный, Виганд выполняли заказы строящихся судостроительных заводов.

К 1913 году в Эстонии было 142 фабрики, общее количество рабочих на этих предприятиях составляло около 40 тыс. человек. Развитие основных отраслей промышленности Эстонии к 1912—1913 годам характеризуется данными таблицы 2.

В металлообрабатывающей и машиностроительной отраслях промышленности увеличение производства происходит к 1912—1913 годам по сравнению с 1901 годом в 4,6 раза, а по сравнению с 1895 годом в 45 раз (см. таблицу 1). Число ра

⁴ Статистический ежегодник на 1914 год, стр. 6.

⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, СПб 1905 (Лифляндская губ., выпуск XXI и Эстляндская губ., вып. XLIX).

Развитие основных отраслей промышленности Эстонии
в 1901 и 1912—1913 гг.⁶

Отрасли промышленности	Стоимость продукции (в руб.)		Число рабочих	
	1901	1912—1913	1901	1912—1913
Металлообработка и машиностроение	7 671 097	35 590 000	4 100	9 000
Текстильная промышленность	14 751 900	33 390 000	7 362	13 660

бочих увеличивается медленнее, с 1901 по 1912—1913 гг. в 2,1 раза; с 1895 по 1912—1913 гг. в 13 раз; этот факт свидетельствует о росте производительности труда. В текстильной промышленности производство за рассматриваемый период увеличивается в 2,2 раза, а по сравнению с 1895 годом в 2,6 раза (см. таблицу 1). Число рабочих в этой отрасли увеличивается в 1912—1913 гг. по сравнению с 1901 годом в 1,8 раза, по сравнению с 1905 годом в 2,2 раза. Следовательно, накануне Первой мировой войны рост промышленности в Эстонии происходил в основном за счет машиностроения и металлообработки.

Крупным предприятием машиностроительной промышленности России эпохи империализма был вагоностроительный завод «Двигатель» в Таллине. Основным капитал его в начале XX века составлял 4,5 млн. руб. В 1900 году на заводе работало 2260 рабочих. «Двигатель» был построен в 1898 году в связи с промышленным подъемом и интенсивным железнодорожным строительством. В 90-е годы царское правительство ассигновало значительные средства на строительство казенной железнодорожной сети и на оборудование ее подвижным составом. В 1895—1899 годах в разных областях России возникает ряд новых вагоностроительных заводов: Мытищинский завод под Москвой, вагоностроительный завод в Твери, завод Феникс в Риге, Южно-Уральский завод, вагоностроительные заводы в Николаеве и Киеве. Общая производственная мощность этих заводов составляла 36—40 тыс. вагонов в год. Годовая продукция завода «Двигатель» составляла 3 000 товарных вагонов и 150 пассажирских. Завод в

⁶ Данные для 1912—1913 годов подсчитаны по статистическому сборнику «Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию)», Петроград 1914.

основном работал по заказам казны, около $\frac{3}{4}$ всей продукции составляли заказы Министерства путей сообщения. В конце 1899 — начале 1900 годов положение завода крайне ухудшилось в связи с начавшимся экономическим кризисом и замедлением железнодорожного строительства. Между вагоностроительными заводами развернулась острая конкурентная борьба. Ближайшим конкурентом «Двигателя» был завод «Феникс» в Риге. Общество «Двигатель» в этой конкурентной борьбе за казенные заказы потерпело поражение, значительное количество заказов получил «Феникс». В начале 1900 года акционерное общество «Двигатель» было объявлено несостоятельным. Курс акций «Двигателя» со 150 руб. в 1899 году падает до 60 руб. в 1900 году и до 20 руб. в 1903 году.⁷ В 1900—1903 гг. основной капитал уменьшился до 3,6 млн. руб., стоимость производимой продукции упала с 5,4 млн. руб. до 2,8 млн. руб. Вплоть до Первой мировой войны предприятие работало с неполной производственной нагрузкой. В течение 1901—1906 гг. производственные мощности были загружены на 25—30% по товарным вагонам и на 9—12% по пассажирским. В 1908—1909 гг. число рабочих на заводе уменьшается до 800 человек. В начале 1910 года «Двигатель» не имел заказов на товарные вагоны и строил их в заводской запас. За весь 1910 год завод выпустил 115 товарных вагонов. В конце 1911 года на «заводе образовались крупные запасы частей вагонов и платформ, представляющих собою мертвый капитал и загромождающих заводские склады».⁸ Подъем народного хозяйства, начавшийся в России в 1909 году, создал для «Двигателя» возможности приспособления к экономическим условиям. В 1911 году на заводе организован специальный отдел по постройке двигателей внутреннего сгорания мощностью в 20 л. с. Был выработан тип нефтяных двухтактных двигателей и налажено их массовое производство. «Двигатель» успешно конкурировал с другими заводами, получая казенные заказы.⁹ К 1913 г. количество рабочих составляло 1352 человека, стоимость продукции 3361 тыс. руб. С 1904 года завод входил в состав монополии «Продвагон». Монополизация вагоностроения была одной из основных причин, задерживавшей развитие этой отрасли в России.

Развитие производства ряда других, наиболее крупных предприятий машиностроительной промышленности в Эсто-

⁷ Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов, Петербург 1905, стр. 1268.

⁸ Центральный Государственный Исторический Архив Ленинграда (ЦГИАЛ), фонд 1517, опись 2, дело 3, лл. 223—224.

⁹ Центральный Государственный Исторический Архив ЭССР (ЦГИА ЭССР), фонд 210, опись 1, дело 41, л. 19.

нии в рассматриваемый период характеризуют данные таблицы 3.

Количество рабочих на заводах акционерного общества Франц Круль выросло в 1,7 раза, на заводе Ф. Виганд в 1,6 раза, Таллинском судостроительном и механическом заводе в 3,8 раза, заводе «Вольта» в 2,2 раза. Рост выпуска продукции происходит еще быстрее за счет роста производительности и интенсивности труда. На заводе Ф. Виганда стоимость продукции выросла почти в 3 раза, Таллинском судостроительном и механическом заводе больше, чем в 6 раз и т. д.

Таблица 3

Развитие ряда наиболее крупных предприятий машиностроительной промышленности в Эстонии в конце XIX, начале XX веков¹⁰

	Фр. Круль		Ф. Виганд		Таллинский судостр. и механ. завод		Электромех. завод «Вольта»	
	конец XIX в.	1913	конец XIX в.	1913	1897	1912	1900	1913
Число рабочих	249	437	250	413	124	477	325	731
Стоимость продукции (тыс. руб.)	около 500	872	450	1235	97	583,8	1000	2302
Мощность двигателей (в л. с.)	нет данных		58	420	15	317	нет данных	600

Из предприятий химической промышленности наиболее крупным был завод Р. Майер. Завод расширился в годы промышленного подъема 90-х годов. В 1895 году было построено новое отделение завода с полным оборудованием для производства соляной кислоты. Возведено большое здание для производства нитрита, установлены новые аппараты и машины для производства танина. Производственные затраты составили около 45 тыс. руб.¹¹ В 1900 году открыты отделения для выделки сурика и молочной кислоты. До 1912

¹⁰ Использованы данные из следующих статистических сборников: Перечень фабрик и заводов. С.-Петербург 1897 г.; Список фабрик и заводов Европейской России. С.-Петербург 1903; Список фабрик и заводов Российской империи. С.-Петербург 1912; данные для 1913 года взяты из книги О. Карма «От промышленного переворота к социалистической революции в Эстонии» (на эст. яз.). Таллин 1963, стр. 338.

¹¹ ЦГИА ЭССР, фонд, 184, опись 1, дело 437, л. 3.

года завод был единственным предприятием в России, производившим молочную кислоту. В 1903—1904 годах вводится в строй анилиновое производство. Экономический кризис затронул химический завод несколько позднее, чем металлообрабатывающие предприятия, в сентябре 1905 года. Расширение производства происходит перед Первой мировой войной, в период промышленного подъема. Число рабочих с 32 в начале 90-х годов выросло до 350 в 1912—1913 годах, т. е. почти в 12 раз. Стоимость производимой продукции увеличилась за эти же годы с 230 тыс. руб. до 1,9 млн. руб., т. е. в 8 раз.

На местном сырье в Эстонии развилось производство строительных материалов. В 90-х годах расширилось производство цементной фабрики Порт-Кунда. С 1897 по 1914 гг. годовое производство фабрики увеличивается с 509 тыс. руб. до 2,5 млн. руб., число рабочих с 502 до 700 человек, мощность двигателей с 650 л. с. до 3535 л. с. На другом цементном заводе «Ассерин» к 1912—1913 годам увеличилось годовое производство до 2,5 млн. руб., число рабочих увеличилось до 835 человек, мощность двигателей до 2500 л. с. Эти два цементных завода в 1913—1914 годах производили цемента 170 тыс. тонн.

В деревообрабатывающей и целлюлозной промышленности Эстонии наибольшее значение имели фабрики Лютера и фабрика «Вальдгоф». На деревообрабатывающей фабрике Лютера в 1914 году было 1800 рабочих, годовое производство составляло 3,5 млн. руб., мощность двигателей достигла 1000 л. с. Целлюлозная фабрика «Вальдгоф» в конце XIX века производила 1 млн. пудов (16 тыс. тонн) целлюлозы, в следующем десятилетии производимая ею продукция выросла более чем в 5 раз.

Из предприятий текстильной промышленности наибольшее развитие получили хлопчатобумажные фабрики. В 90-х годах XIX века Кренгольмская мануфактура была одним из самых крупных в мире предприятий этой отрасли. В 1897 году сумма годового производства Кренгольмской мануфактуры исчислялась в 11 млн. руб., рабочих насчитывалось 4700 человек, мощность двигателей составляла 7195 л. с. К 1914 году годовое производство фабрики увеличилось до 26 млн. рублей, число рабочих до 9900 человек, мощность двигателей достигла 9252 л. с.

Успешно развивалась Балтийская бумагопрядильная и ткацкая мануфактура. В 1900 году на фабрике было 132 человека рабочих, годовое производство 275,3 тыс. руб.; в 1912—1913 годах число рабочих достигло 1800 человек, а го-

довое производство 3600 тыс. руб. В хлопчатобумажном производстве Эстонии других специализированных фабрик, кроме перечисленных, не было. Это объясняется господствовавшей здесь монополией крупного капитала, который держал в своих руках снабжение сырьем, оборудованием и т. д.

Промышленность Эстонии в указанный период была составной частью общероссийской промышленности, она была связана с последней многочисленными нитями экономического характера по линии производства, торговли. В снабжении сырьем, оборудованием, выполнении заказов предприятий принимали участие многочисленные предприятия общероссийской промышленности; наряду с временными производственными связями возникали постоянные кооперированные связи между предприятиями. Как уже указывалось, промышленность в Эстонии использовала отечественный чугун. Заводы Фр. Крульль получали чугун в основном от южно-русских, донбасских заводов. С 1908 года главным поставщиком сырого чугуна для заводов Фр. Крульль было Новороссийское общество, часть чугуна поставляли Южно-Русское общество и Криворожское общество.¹² Эта зависимость от южно-русского сырья отрицательно сказывалась на деятельности завода в период искусственно созданного «Продаметом» чугунного голода. Электромеханический завод «Вольта» использовал сырье, получаемое от русских заводов, за исключением некоторых специальных материалов, которых в России не было, и поэтому они ввозились из-за границы. Железо «Вольта» получал от Путиловского, Южно-Русского заводов, а также от уральских заводов. Медные и железные трубы поставляли петербургские и варшавские трубопрокатные заводы. Сталью завод «Вольта» снабжал Брянский металлургический завод. С этим заводом у «Вольта» была тесная постоянная кооперированная связь. Между «Вольта» и Брянским заводом был заключен долгосрочный договор, по которому Брянский завод обязан был без задержки исполнять все заказы «Вольта».¹³ Чугун для Русско-Балтийского судостроительного и механического завода, годовая потребность в котором составляла 60 тыс. пудов, поставляли донбасские, южно-уральские и польские заводы. В выполнении заказов вышеуказанного завода по приблизительным подсчетам принимало участие 145 фирм, большинство которых было российскими.¹⁴ Хлопчатобумажная промышленность в

¹² ЦГИА ЭССР, фонд 206, опись 1, дела 47, л. 132.

¹³ ЦГИА ЭССР, фонд 210, опись 1, дело 38, л. 7.

¹⁴ ЦГИА ЭССР, фонд 1804, опись 2, дело 210. «Список фирм и заводов, исполняющих заказы по изготовлению оборудования для строящихся кораблей и судов».

начале XX века более чем на $\frac{3}{5}$ работала на привозном хлопке. С развитием хлопковой базы на востоке страны зависимость от импорта хлопка значительно уменьшилась. В 1914 году иностранный хлопок составлял уже только 40% от общего потребления хлопка в России. Кренгольмская мануфактура накануне первой мировой войны использовала почти наполовину хлопок отечественного происхождения.

Решающим фактором успешного развития экономики Эстонии, промышленности прежде всего, было наличие обширного внутреннего общероссийского рынка. Промышленность Эстонии ориентировалась на извлечение прибылей, обеспечиваемых работой на этот рынок. Большинство крупных промышленных предприятий имело разветвленную сеть своих представителей, отделений, оптовых складов не только в Прибалтике, но и во многих других губерниях России; следующий список дает представление о такой сети у некоторых из крупных предприятий Эстонии:

Наименование предприятия	Местонахождение представителей, отделений, оптовых складов
а/о «Двигатель» а/о Фр. Круль	Москва, Варшава, Харьков — представители. Москва — отделение по продаже и приему заказов.
Ф. Виганд	Москва — главная контора. Петербург, Псков, Вильно, Харьков, Кишинев, Ростов-на-Дону, Баку, Пенза, Ярославль, Астрахань, Ташкент, Рига, Пермь, Варшава, Нижний Тагил — представители
а/о «Вольта»	Москва, Рига — отделения. Петербург, Киев, Варшава, Ростов-на-Дону, Вятка, Екатеринбург. Тифлис — представители.
Фабрика «Жесть»	Петербург, Варшава, Рига, Киев — представители.
а/о Порт-Кунда	Петербург, Москва, различные города Прибалтики — представители.
а/о Иогансон	Петербург, Москва, Рига — отделения; Одесса, Ростов-на-Дону, Харьков, Либава, Варшава, Вильно, Киев — агентства.
Нарвская суконная мануфактура Льнопрядильная мануфактура	Петербург, Москва, Варшава, Белосток — оптовые склады. Москва, Киев, Варшава — агенты.

Предприятия в Эстонии выполняли заказы и сбывали свою продукцию для общероссийского и на общероссийском рынке. Завод «Двигатель» в начале XX века выполнял заказы на подвижной состав для таких железных дорог, как Владикавказская, Волго-Бугульминская, Юго-Восточная,

Гербы-Келецкая, Северо-Донецкая, Московско-Казанская, Московско-Виндаво-Рыбинская, Сибирская и т. д.¹⁵ Заводы Ф. Круль сбывали оборудование для винокуренных, спиртоочистительных, дрожжевых заводов, паровые котлы и т. д. в губерниях Прибалтики, в Сибирской, Тамбовской, Орловской, Пензенской губерниях. Завод Ф. Виганд изготовлял оборудование для винокуренных и ректификационных заводов почти всех губерний России. В начале XX века оборудование для винокуренных заводов России составляло 45% всей продукции завода Виганд. Заказы для Волго-Вятской железной дороги, Китайской Восточной железной дороги выполнял Таллинский судостроительный и механический завод. В 1906—1907 годах завод ремонтировал паровозы и тендеры, возвращенные с Сибирской железной дороги после войны с Японией. Исключительно на русский рынок работал химический завод Р. Майер. Рынком сбыта продукции этого завода служили в основном текстильные области Московской и Владимирской губерний; $\frac{3}{4}$ всего производства танина и рвотного камня сбывались в Московский и Иваново-Вознесенский районы (эти продукты употреблялись при крашении ситцев). В эти же районы отправлялись и фосфорно-кислый натрий и сурьмяные соли. Часть продукции шла в Петербург и Лодзь.¹⁶ Растущим спросом на внутреннем рынке в связи с развитием капитализма поддерживалось развитие хлопчатобумажных фабрик, льняного и джутового производства. Продукция хлопчатобумажного производства сбывалась в Москву, Серпухов, Петербург, Рыбинск, Варшаву и многие другие города и районы России. Джутовые изделия — в Петербург, Московский, Одесский, Кавказский, Киевский, Рижский, Польский, Закаспийский районы России. Шерстяное производство, также связанное с общероссийским рынком, имело менее благоприятные условия для развития, чем хлопчатобумажное. Продукция фабрик — сукна, особенно продукция Даго-Кертельской суконной фабрики, производившей дорогие сорта сукна, не имела широкого массового рынка сбыта. Поэтому развитие суконных фабрик происходило более медленными темпами. Годовое производство Даго-Кертельской суконной фабрики с 1897 года по 1914 год увеличилось с 738,8 тыс. руб. до 1 млн. руб., число рабочих за эти годы колебалось от 500 до 600 человек, мощность двигателей возросла с 203 л. с. до 250 л. с. На общероссийском рынке сбывали продукцию предприятия деревообрабатывающей и целлюлозной промышленности — фабрики Лютера и «Вальдгоф».

¹⁵ ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 81, л. 7.

¹⁶ ЦГИА ЭССР, фонд 184, опись 1, дело 437, л. 3.

Эти два крупных предприятия экспортировали свою продукцию на мировой рынок.

Фактором, стимулирующим рост внутреннего рынка России, были казенные заказы. Правительственные заказы, связанные с милитаризацией экономики страны перед мировой войной, послужили непосредственной причиной строительства в Таллине крупнейших заводов судостроительной промышленности России. Русско-Балтийский судостроительный и механический завод начали строить в конце 1912 года финансово-монополистические группировки, которые получили заказ морского министерства на постройку двух крейсеров и шести миноносцев на 28,6 млн. руб.¹⁷ В июле 1914 года завод имел казенных заказов на сумму около 35 млн. руб.¹⁸ Судостроительную верфь в Таллине начало строить в октябре 1912 года общество «Беккер и К⁰». В конце 1913 года уже начались работы по выполнению казенных заказов на пять миноносцев на сумму 10 млн. руб.¹⁹ Кроме того, общество получило заказы на ледоколы, пароходы для буксировки артиллерийских щитов, нефте- и водоналивные баржи и башенные установки — всего на сумму около 6 млн. руб.; к маю 1915 года сумма заказов достигала 18 400 тыс. руб.²⁰ Таллинский судостроительный и механический завод получил много казенных заказов после 1906 года, когда в связи с убыточностью эксплуатации казенных железных дорог министерство путей сообщения сократило заказы вагоностроительным заводам, но увеличило заказы по ремонту и переделкам старых вагонов, паровозов, платформ и т. д. На заводе в 1906—1907 годах были сделаны значительные затраты для расширения завода общей суммой около 200 тыс. руб. — построена паровозная мастерская, здание для ремонта тендеров, вновь сооружена ширококолейная ветвь, соединяющая завод с Балтийской железной дорогой.²¹

В Эстонии факторы общероссийского значения благоприятно сочетались с местными условиями и выгодным географическим расположением Прибалтики, имеющей портовые города — пункты выгрузки иностранного промышленного сырья. Предприятия Прибалтийского района издавна пользовались иностранным углем, оплачивая его пошлиною в полторы копейки с пуда.²² Близость Петербурга обеспечи-

¹⁷ ЦГИА ЭССР, фонд 1804, опись 2, дело 7, л. 15.

¹⁸ Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО), фонд 2145, опись 1, дело 80, л. 189.

¹⁹ ЦГИАЛ, фонд 597, опись 2, дело 285, л. 100.

²⁰ ЦГИАЛ, фонд 597, опись 2, дело 285, л. 147.

²¹ ЦГИА ЭССР, фонд 210, опись 1, дело 45, лл. 10, 11, 24.

²² ЦГИАЛ, фонд 1216, опись 9 (102 а) дело 62, л. 25.

вала приток основной массы квалифицированной рабочей силы. В результате такого сочетания промышленность в Эстонии могла в отдельные периоды развиваться темпами более высокими, чем общероссийские.

* * *

Наиболее характерной чертой капиталистического развития сельского хозяйства России является обособление различных районов земледелия, специализация сельского хозяйства, т. е. однобокое одностороннее развитие земледелия.

В Эстонии в начале XX века, в период империализма, под влиянием тесного экономического оборота с внутренним рынком России возникал сельскохозяйственный район торгового скотоводства и высокоразвитого льноводства. Значение производства зерновых хлебов в этот период в Эстонии падает. В Эстляндской губернии чистый сбор зерна на душу населения характеризовался цифрами, приведенными в таблице 4.

Таблица 4

Сбор зерна на душу населения в Эстляндской губернии (в пудах)²³

Годы	1864—1866	1883—1887	1909—1913
Сбор зерна	от 20 до 30	от 20 до 30	от 15 до 20

Основным становится молочное направление и характер земледелия определяется этим направлением. Происходит улучшение техники ведения сельского хозяйства, например, внедряется многополье. Травосеяние становится необходимой составной частью молочного скотоводства. Улучшается качество скота и его содержание. Прибалтийские губернии резко выделялись, наряду с западными, северными, северо-западными и средне-волжскими, по показателям развития молочного хозяйства по сравнению с Европейской Россией в целом и особенно по сравнению с черноземным югом и юго-востоком, не говоря уже о Средней Азии и Сибири. Следующие данные характеризуют молочное хозяйство Прибалтийских районов в 1913 году:²⁴

²³ Е. С. Карнаухова. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860—1914). Москва 1951, стр. 70.

²⁴ Там же, стр. 78.

на 100 душ населения	молока (в ведрах) ²⁵	— 793,0;
„	масла (в пудах)	— 6,54;
„	дойных коров	— 21,0;
% коров в стаде крупн. рог. скота		— 51,3.

В Прибалтийских районах на 100 человек населения приходилось в 1,5—2 раза больше коров, удои молока на 100 человек вдвое-втрое больше, чем во всей Европейской России. Развитие молочного хозяйства было теснейшим образом связано с ростом промышленности и внутреннего рынка.

Районом промышленного льноводства Эстония становится в 90-х годах XIX века. Накануне Первой мировой войны Эстония была уже районом интенсивного развития промышленного и экспортного льноводства.

Таблица 5

Рост общего сбора льняного волокна и урожайность на одну десятину в Эстляндской губернии (в пудах)²⁶

Годы	Общий сбор льна-волокна	Урожай на одну десятину
1901	56 134	16,9
1902	62 194	18,7
1903	57 815	18,5
1904	63 313	22,7
1905	79 839	19,2
1906	147 380	31,3

Общий сбор льна-волокна за 1901—1906 годы вырос почти в три раза, а урожай на одну десятину почти в два раза. Почти вся торговля льном была захвачена «льняными конторами», т. е. находилась в руках торгового капитала, который способствовал разложению крестьянства, усилению конкурентной борьбы, развитию капитализма.

Эстония являлась районом винокурения, которое находилось в руках помещиков. Развитие винокурения вызывало специализацию хозяйства на производстве картофеля. В 1909—1913 годы в Эстляндской губернии на душу населения валовые сборы картофеля составляли 56,9 пудов, а в Лиф-

²⁵ В ведре 12,299 л.

²⁶ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. С.-Петербург 1907, стр. 4.

ляндской — 20,3 пудов ежегодно. Рост производства картофеля был связан также с ростом спроса на дешевые продукты питания в связи с развитием капитализма.

Продукция молочного животноводства, льноводства, винокурения, производившаяся в Эстонии, сбывалась в Петербург, Москву, центрально-черноземные губернии. В начале XX века почти единственным потребителем спирта являлась казенная монополия. Вывоз спирта за границу совершенно прекратился вследствие повышения в Германии вывозной премии и образования немецкого спиртового синдиката, который, обладая более 90% всех винокуренных заводов Германии, устанавливал цены на спирт внутри страны и имел возможность понижать цены вывозного спирта до того предела, когда русский спирт уже не мог с ним конкурировать.

Так в ходе развития капитализма, роста общественного разделения труда в народном хозяйстве России, складывался в Эстонии в конце XIX века, начале XX века сельскохозяйственный район торгового молочного хозяйства, льноводства и винокуренного производства. Такое развитие сельского хозяйства в Эстонии объясняется также наличием крупного земельного хозяйства, имеющего в своем распоряжении все необходимое для посевов на больших площадях рыночной культуры.

Наличие в Прибалтике крупного земельного хозяйства связано с особенностями аграрных отношений по сравнению с внутренними, исконно-русскими губерниями, хотя в сущности эволюция аграрных отношений в Прибалтике не отличалась от их эволюции в коренной России. Особенности аграрных отношений в Прибалтике объясняются как историческими условиями, так и политикой царского самодержавия по отношению к прибалтийским помещикам. Русский царизм сохранил их поместья и привилегии, видя в местном прибалтийском дворянстве ту силу, на которую он мог опираться в проведении своей политики. Угнетение немецкими помещиками эстонских крестьян длилось веками. Оно было серьезным препятствием для сближения Эстонии с Россией, оно обусловило особую остроту кризиса феодально-крепостнической системы в Прибалтике. Буржуазные реформы в сельском хозяйстве Прибалтики (1817—1819 годы, 1856 год в Эстляндии, 1849 год в Лифляндии) проводились в интересах помещиков и еще в более урезанном виде, чем в других районах России. Основная монополия — монополия частной собственности на землю, осталась нетронутой. В Европейской России в 1905 году из общего земельного фонда помещикам принадлежало 25,8% земли, в Лифляндской же губернии — почти 55%, а в

Эстляндской — даже 74% земли (помещики в Эстонии составляли примерно 0,4% сельского населения). В среднем в собственности каждого помещика находилось 2677 десятин земли.²⁷ В отношении размеров помещичьего землевладения Прибалтийские губернии занимали первое место в царской России. Деление крестьянской земли по величине владения приводится в таблице 6.

Таблица 6

Распределение крестьянской земли в Прибалтийских губерниях по величине владения в 1905 г.²⁸

Размер владений (в десятинах)	Число владений	Земли (в десятинах)	
		Всего	В среднем на 1 вл.
До 10	904	4 993	5,5
от 10 до 20	1 988	31 823	15,5
от 20 до 50	7 151	241 034	32,3
от 50 до 100	1 488	96 436	64,8
Свыше 100	74	19 493	263,4
Итого	11 605	394 070	34,0

Средний размер одного крестьянского хозяйства составлял 34 десятины. Это значительно выше, чем средний размер крестьянского хозяйства в России. Однако крестьянская земля распределялась неравномерно. На долю владений от 20 до 50 десятин приходилось 61,17% крестьянских земель, эти владения составляли 61,62% крестьянских хозяйств. Владения размером от 50 до 100 десятин имели 24,2% всей крестьянской земли и составляли 12,8% крестьянских хозяйств. Владения свыше 100 десятин имели 4,8% земли и составляли 0,6% всех хозяйств.

Наименьшие (до 20 десятин) по размеру земли владения составляли четвертую часть крестьянских дворов. Преимущественно это были хозяйства крестьян-бедняков. Они имели лишь 10% всей крестьянской земли. Как правило, это были худшие земли. Кроме того, большая часть эстонского крестьянства, беднейшего, не имела никакой земли. По меньшей мере 60% эстонских крестьян были безземельными, а местами еще больше, достигая 95%.²⁹ Безземельные крестьяне искали

²⁷ Высчитано по данным сборника «Вся Россия», 1912.

²⁸ Сборник «Вся Россия», 1912, стр. 336.

²⁹ ЦГИАЛ, фонд 1233, опись 1, дело 408, л. 154.

работу не только в сельском хозяйстве, но и на фабриках и выселялись во внутренние губернии.

Пережитки крепостничества определяли характер арендных отношений в Эстонии. Среди арендаторов преобладали арендаторы мелких участков, но на их долю приходилось всего 12,7% земли. Крестьяне-арендаторы тяжело ощущали на себе господство помещиков. Повсеместно встречались отработки и испольщина, тормозившие развитие сельского хозяйства. Интересные материалы, характеризующие арендные отношения и положение крестьянина-арендатора, имеются в материалах особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902—1905). Земля сдавалась в аренду без соответствующих письменных контрактов, несмотря на то, что законодательство по крестьянским вопросам предусматривало письменный контрактный договор. Помещик мог повысить арендную плату, согнать крестьянина с участка и т. п. Крестьянин не был заинтересован производить какие-либо улучшения на земле, поскольку результат их доставался помещику. Арендные договоры заключались на срок не более 6 лет. Понятно, что существенные хозяйственные улучшения не только не способны в шестилетний срок окупить себя, но в условиях того времени были часто даже не выполнимы в этот срок. Арендная плата в Эстонии в конце XIX века была выше, чем в центральной черноземной полосе России. За одну десятину пахотной земли в Эстонии платили аренды от 8 до 20 рублей,³⁰ тогда как в центральной черноземной полосе (в Ярославской, Владимирской, Тверской, Московской губерниях) арендная плата за десятину была от 3 до 7 рублей.³¹ Ревельское Эстонское земледельческое общество следующим образом характеризовало положение крестьян-арендаторов: «высокая арендная плата выжимает последние соки из крестьянского хозяйства, так что на улучшение хозяйства ему не остается ничего. Земледелие на арендных участках не прогрессирует, а ведется самыми старинными способами с употреблением самых примитивных орудий обработки».³²

Прибалтийские помещики владели громадными угодьями, пользовались дешевой рабочей силой, получали от продажи и аренды крестьянских участков огромные деньги. Они усиленно расширяли и развивали свое хозяйство, специализируясь на производстве рыночного продукта. Урожай зерно-

³⁰ Сборник «Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев», выпуск 3-й, С.-Петербург 1890, стр. 393.

³¹ См. там же, стр. 252, 266, 275, 283.

³² ЦГИАЛ, фонд 1233, опись 1, дело 408, л. 139.

вых, картофеля, льна в помещичьих хозяйствах были выше, чем в крестьянских. В начале XX века в помещичьих имениях усовершенствованные сельскохозяйственные орудия уже не были редкостью. Капитализм в сельском хозяйстве развивался сравнительно быстро. По оценке В. И. Ленина в прибалтийских губерниях в 80-е годы в земледелии преобладала капиталистическая система хозяйства. Несмотря на то, что в целом развитие капитализма в сельском хозяйстве Прибалтики происходило несколько быстрее, чем во многих других губерниях России, положение В. И. Ленина о том, что в России было «самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитал», применимо и по отношению к Эстонии. Сильнейшие пережитки крепостничества задерживали капиталистическое развитие сельского хозяйства и всей экономики в целом, ставили ее в зависимость от иностранного капитала, способствовали усилению неслыханной эксплуатации пролетариата.

Эстония была местом оживленной торговли. В 1900 году торговый оборот Эстляндской губернии исчислялся в 25 369 тыс. руб., в то время как промышленный в этом же году составлял 22 737 тыс. руб. В начале XX века ежегодный ввоз товаров в Эстонию из внутренних районов русского рынка составил 43,9 млн. пудов. Из Эстонии вывозилось в эти районы 41,0 млн. пудов товаров, в числе которых примерно 12,7 млн. пудов были товары, проходившие транзитом по территории Эстонии.³³

Следовательно, к началу Первой мировой войны Эстония была одним из наиболее капиталистически развитых районов русского государства, экономика которого являлась органической частью общей системы русского капитализма. Это оказало решающее влияние на рост концентрации производства в Эстонии (в начале XX века на крупных предприятиях в Эстонии с количеством 500 и более рабочих работало около 65% всех рабочих³⁴) и вовлечение предприятий российскими монополиями в сферу своей деятельности, проникновение русского финансового капитала в экономику этой национальной окраины России, что является предметом самостоятельного исследования.

³³ А. Кёёрна. О развитии местного национального рынка и торговли Эстонии в системе общероссийского рынка в годы 1900—1913. Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 97. Труды по экономическим наукам, II. Тарту 1960.

³⁴ Э. И. Брандт. Создание экономического базиса социализма в Эстонской ССР. Таллин 1957, стр. 10.

Eesti majanduslikust arengust tsaari-Venemaa ääremaana

XIX saj. lõpul ja XX saj. algul (enne I Maailmasõda)

Resümee

Artiklis iseloomustatakse Eesti majanduslikku arengut nimetatud perioodil ja seda mõjutanud peamisi ülevenemaalise ja kohaliku tähtsusega tegureid.

Üldise majandusliku tõusu perioodil 1890.-1 aastatel arenes eesti tööstus väga kiiresti. Masinaehituse ja metallitöötlemise arengutempo oli kõrgem ülevenemaalisest keskmisest. Nende tööstusharude toodangu maht kasvas 1895—1901 a. 9,6 korda ja tööliste arv 6,2 korda.

Eesti tööstuses peegeldub selgelt XIX saj. lõpu ja XX saj. alguse Venemaa tööstusüüri 1900—1903 a. majanduskriisi ilmnemine eeskätt masinaehituse- ja metallitöötlemise alal. Aastail 1909—1913 toimus Eestis nagu mujalgi majanduslik tõus ja seda peamiselt nimetatud tööstusharude arvel, mille toodang suurenes 1912—1913 a. võrreldes 1901. a. 4,6 korda ja tööliste arv 2,1 korda. Sel perioodil arenes Eesti Venemaa agraar-industriaalseks piirkonnaks.

Eesti tööstus oli väga tihedalt seotud kogu tsaari-Venemaa tööstusega. Paljud Venemaa tööstusettevõtted täitsid Eesti tehaste tellimusi, varustades neid toorainete ja sisseseadega. Näiteks «Volta» sai teräst Brjanski metallitehaselt.

Eesti majanduse arengu määravaks teguriks oli ülevenemaaline siseturg. Tootmise kasvu stimuleerisid ka riiklikud tellimused, mis suurenesid eriti I Maailmasõja eel. Finants-monopolistlikud koondised alustasid riigitellimustele toetudes Tallinnas suurte laevatehaste ehitamist. Aktsiaühingu «Vene-Balti Laeva- ja Mehaanikatehased» riiklike tellimuste üldsumma oli 1914. a. juulis 35 miljonit rubla.

Eesti põllumajanduses kujunes majanduslike sidemete mõjul Venemaa siserajoonidega XX saj. algul välja piimakarjakasvatuse, arenes lina- ja kartulikasvatuse suund. Seda tingisid ka suurmajapidamise eelised: mõisate suured maavaldused (keskmiselt 2677 tessatini), odav tööjõud (üle 60%, kohati kuni 95% talupoegadest oli maata), maa müügist ja talupoegadelt rendina kogutud suured rahasummad (1 tessatini maa kasutamine maksis 8—20 rubla).

Majanduse (s. h. ka põllumajanduse) kapitalistlikku arengut takistasid tugevad pärisorjuslikud igandid, tehes selle sõltuvaks väliskapitalist ja tõstes tööliste ning talupoegade eksplua-

Kaubandus Eestis oli elav. 1900. a. oli Eesti kubermangu kaubakäive 25 369 tuh. rubla, kusjuures tööstuse käive moodustas 22 737 tuh. rubla.

I Maailmasõja alguseks oli Eesti muutunud üheks tsaari-Venemaa arenenumaks osaks. See mõjustas otsustavalt tööstuse kontsentreerumist. Tihenesid tööstuse sidemed Venemaa monopolistlike ettevõtetega ja laienes vene kapitali sissetung. Need probleemid on iseseisva uurimuse objektiks ja ei ole artiklis käsitletud.

N. Torpart

Observations on Problem Economic Development of Estonia as an Outlying National Region of Russia at the End of the 19th and the Beginning of the 20th Century (up to World War I)

Summary

This article analyses the character of economic development of Estonia during the period mentioned above and the main reasons (factors) of all-Russian and local nature which determined the character of such development.

On the 19th century the industrial growth rate in Estonia was comparatively high during the boom of nineties. In that period the growth rate of machine-building and metal-working industry in Estonia was higher than in the whole of Russia. Between 1895 and 1901 the total value of industrial output in the enterprises of these two branches increased 9.6 times and the number of workers — 6.2 times.

Regardless on considerable development of capitalism, Estonia remained an agrarian region of Russia. In 1897, 70.5 per cent of the population was engaged in agriculture and only 22 per cent in industry.

The process of industrial development in Russia at the end of the 19th and the beginning of the 20th century finds a clear reflection in Estonian industry. The economic crisis of 1900—1903 affected most strongly machine-building and metal-working industry. There is a new boom in Estonian industry in the years of 1909—1913, mainly due to the growth in machine-building and metal-working industries. By 1912—1913 the total production in the these branches increased 4.6 times in comparison with 1901 and the number of workers — 2.1 times. During that period Estonia becomes an agrarian-industrial region of Russia. Estonian industry an integral part of the all-Russian industry

in the economic sense. A lot of Russian industrial enterprises provided Estonian enterprises with raw materials and equipment, and carried out their orders. The Volta Plant, for instance, received steel from the Brjansk Metallurgical Plant. The availability of vast all-Russian interior market was a determinant of successful industrial development of Estonia. It was also stimulated by state contracts which grew up especially on the eve of World War I. Having in sight those contracts great financial-monopolistic groups started the construction of big shipyards in Tallinn. The joint-stock company of Russian-Baltic Shipyards in July of 1914 was handling state orders in the value of about 35 million roubles.

As to Estonian agriculture at the beginning of the 20th century, owing to the economic turnover with the internal regions of Russia, Estonia was becoming a region of dairy farming, high productive flax-growing and the production of spirits. The development of such a trend can be explained also by the existence of big farming agriculture which had all pre-requisites for sowing market crops to large areas: huge land proprieties (on the average a landlord owned 2677 dessiatinas of land; 1 dessiatina = 2.7 acres); cheap manpower (at least 60 per cent of Estonian peasants, at some places even 90 per cent had no land of their own); large sums of money from the sale and lease of land to peasants (for the lease of one dessiatine of arable land from 8 to 20 roubles were required). Very strong survivals of serfdom hampered the strengthening of capitalist relations in agriculture and the economy as a whole, made it dependant on the foreign capital, promoted the rise of unprecedented exploitation of proletariat and peasantry.

Estonia was a region of animated trade. In 1900, the trade turnover in Estonian province was 25,369 thousand roubles, in industry at the same time was only 22,737 thousand roubles.

By the beginning of World War I Estonia was a most highly advanced region in the Russian Empire. This fact effected considerably the growth of concentration in production, drawing industrial enterprises of Estonia into the sphere of activities of Russian monopolies and the penetration of Russian financial capital into the economy of that outlying national region of Russia. Those last problems have not been analysed in this article, they are subjects for separate investigation.

СОДЕРЖАНИЕ

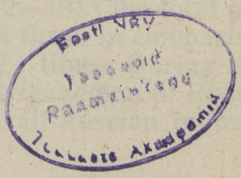
1. Э. Инги. Рост и демографические изменения населения Финляндии 13

2. Л. Вайника. Кризис мелкого производства в сельском хозяйстве Финляндии 21

3. Л. Вайника. Аграрное перенаселение в Финляндии 35

4. Л. Брутус. О формировании общественно производительного труда 49

5. Н. Торпан. К вопросу об экономическом развитии Эстонии как национальной окраины России в конце XIX, начале XX веков (до Первой мировой войны) 69

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
КАПИТАЛИЗМА

Таллинский политехнический институт

Редактор В. Гарина

Технический редактор Я. Мыттус

Сдано в набор 27 XII 1968. Подписано к печати 31 III 1969. Бумага 60×90¹⁶. Печатных листов 5,75. Учетно-изд. листов 5,28. Тираж 350. МВ-02390. Заказ № 4141. Типография «Юхисэлу», Таллин, ул. Пикк, 40/42.

Цена 53 коп.

Цена 53 коп.